

f u n k y

b o o k s

БУЛАТ

ХАНОВ

нецензурную
18+
содержит
брань

НЕПОСТОЯННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

funky books

Булат Ханов

Непостоянные величины

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ханов Б.

Непостоянные величины / Б. Ханов — «Эксмо», 2019 — (funky books)

ISBN 978-5-04-104887-7

Что мы знаем о современной школе? Или даже так: что мы знаем о современной школе — после Гай Германики и Алексея Иванова, у которого географ глобус пропил? Булат Ханов — новый голос поколения — последовательно развивает тему, уже во втором подряд романе обращаясь к отношениям преподавателей и учеников. Выпускник филфака МГУ Роман едет в Казань, чтобы устроиться в школу учителем русского и литературы и поставить над собой эксперимент: как долго сможет молодой специалист протянуть в обычной школе? Финал эксперимента и предсказуем, и неоднозначен... Ад просачивается в человека малыми дозами. Но что человек может противопоставить этому аду?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104887-7

© Ханов Б., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Восточное направление	5
Пригретые солнцем	7
Но прилично	9
Марат Тулпарович	11
Всякий, кто оставит	14
Письмо № 1	16
Живопись	18
Ревизия	21
Трава и краска	22
Команда	24
Искусство чесать языком	26
Святая святых	33
Письмо № 2	36
«А вы добрый?»	39
Агент под прикрытием	42
Боевое крещение	45
Печально я гляжу	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

f u n k y b o o k s

Булат Ханов

Непостоянные величины

Восточное направление

У него были свои счёты с Христом и с фарисеями.

Бравый пенсионер в майке и трико альпийского цвета всеми способами привлекал к себе внимание с боковой полки. Едва тронулись, он представился Сергеем Дмитриевичем и каждому предложил баранки и хлеб с изюмом. Роман нехотя слушал легенду о блудном сыне, который многократно возвращался к всепрощающему Сергею Дмитриевичу после бесплодных скитаний. Легенда незаметно перетекла в размытые рассуждения о том, что правда крепче семейных уз, зато любовь к человеку важнее и сильнее правды. На майке человеколюба проступил пот. Из-за храпа пенсионер не давал покоя даже во сне. Наутро Сергей Дмитриевич неизвестно к чему вспомнил Пахмутову и Добронравова и развил вечернюю мысль, прибавив, что истина заложена в любом из нас и нужно учиться говорить с Богом, дабы постичь ее. Уклоняться от беседы с закаленным моралистом стоило усилий.

Сосед напротив, благодушный толстяк Михаил, также задавал вопросы. Каверзные, однако из разряда привычных. Как зовут? Откуда? С какой целью держит путь? Толстяк утверждал, что Москва – красивый город, а Казань еще красивее. Рекомендовал отведать татарской кухни и съездить в аквапарк. Когда пенсионера заносило на нравоучительных виражах, Михаил подмигивал Роману и улыбался, точно выказывая снисхождение к старому чудаку. Шутки ради толстяк утром поинтересовался у Сергея Дмитриевича, чем гражданский кодекс отличается от нравственного, на что услышал гневную отповедь. Вечером Михаил заказал себе и Роману чай с лимоном, прелюбезно держась с проводницей. А при сдаче белья свернул все в комок, долго высморкавшись в белое полотенце напоследок.

Вопросы Михаила не подразумевали никаких ответов, кроме однозначных, поэтому Роман говорил коротко, воображая себя агентом под прикрытием. Он из Москвы. Студент. Гуманитарий. (Это правда.) Социолог. (Неправда.) Едет повидаться с другом по переписке. (Неправда.) В Казани впервые, хотя за пределы МКАД выбирался. Санкт-Петербург, Геленджик. Друг, зовут Шамилем, встретит на вокзале и по канонам гостеприимства покажет город. Спасибо за наводку с местной едой и аквапарком.

На Романа волной нахлынуло оживление, подзабытое и оттого мощное. Он с трудом сдерживался, чтобы не начать возбужденно вышагивать по вагону взад-вперед, чтобы не достать из чемодана флажку с текилой, чтобы не разрушить образ приятного студентика с неразвитыми

коммуникативными навыками. К черту отзвуки и отголоски: эхо родительских увещаний и ее выпадения из его жизни, эхо сорванных с петель дверей и подорванных мостов за спиной, эхо бормашинного зуда. Казалось, Роману удалили все, что можно: имя, прошлое, репутацию – дурную и добрую. Только нерв на зубе № 27 сохранили, притом не из жалости. Доктор, призвав на помощь хитроумные приспособления, спас зубу жизнь и забрал взамен сбережения, которые Роман прикидывал растянуть на неделю скудного существования.

По крайней мере, жевать теперь можно без опасений. Надо искать плюсы во всем, такие ходят слухи.

Дипломированный филолог, за плечами годы фриланса. Биография из заурядных. А вот с целью поездки неясность неясная. Когда ты навеки проклял всякий транспорт и расстояния, когда устал волочиться и ненавидишь саму идею движения, когда закупаешься текилой и виски впрок, точно вот-вот закроют границы лет на десять, когда два года застряли в горле и впереди невиданных размеров черная дыра, когда всем вокруг неловко от твоего поведения, когда вечный недосып и комплексы, когда искорежен и подавлен – это тот самый случай, чтобы записаться в социальный проект и исчезнуть. Переезд, чтобы отстраниться от себя и понять современность, которой нет, ибо есть прошлое и будущее.

Роман проснулся раньше попутчиков, в пять. Чтобы унять возбуждение, он попробовал писать письмо и бросил на третьей строке. Спящие словно подглядывали из-под сомкнутых век. Тогда письмо стало выстраиваться в голове.

«Здравствуй.

Когда ты выбрала Восток, я дал себе обещание шагу не ступить в восточном направлении. Теперь вот неразумно еду в Казань. Это не Камчатка и не Алтай, не Индия и не Япония, но тоже не запад, не север, не юг.

Зная тебя, могу предположить, что ты бы оценила мой поступок как манерный. Точнее пафосный, так бы выразилась. Вымарывать прошлое, увеличивать дистанцию, прекрасно понимая, что расстояниями связь не разорвешь. Как ни верти. Вертеть, терпеть, обидеть, зависеть, смотреть, видеть, ненавидеть, любить.

Передавай привет горам и шаманам. Я буду писать. На бумаге, разборчивым почерком. И отсылать, куда фантазия заведет. Первое письмо черкну, например, Карлу Людвиговичу Самодову из Липецка. Улица Оружейных Баронов, д. 19, кв. 84, 150813. Карл Людвигович одинок, ему будет лестно получить пару теплых строчек, пусть и не предназначенных для него».

К тому времени как Роман закончил сочинять, соседи по вагону проснулись. Сергей Дмитриевич зевал, прикрыв рот костлявой ладонью, Михаил пересказывал жене подробности удивительнейшего сна, в котором они катались по парку аттракционов в карете.

Если бы ни эта необходимость все держать в тайне. Как дьявол, интересно, заманивая простаков, борется с искушением поведать о себе настоящем? Какую силу воли нужно иметь, чтобы так притворяться?

Пригретые солнцем

На первый взгляд, пригретая солнцем провинция. Точнее бы назвать утомленной, если бы не избыточные ассоциации.

Покинув поезд, Роман последовал по указателям, протискиваясь сквозь вокзальный люд. Сновали коммерсанты с пирожками и водой и носильщики с тележками. Пацаненок, если верить надписи на кепке, – сотрудник ФБР, дергал мать за платье, настаивая на сахарном петушке. Две старухи в галошах спорили, с хвоста или с головы поезда пронумерованы вагоны. Пререкались они вяло, потому что распалившееся солнце, казалось, отбивало всякую охоту резких движений и решительных действий. В голосе, объявлявшем рейсы, тоже мнилась сонливость.

Вокзал и прилегающая к нему площадь на удивление внушали доверие. Мелкие бандиты с угрюмыми рылами, облаченные в «Абибас» среднеазиатского покроя; нечесаные бродяги в тулупах, продирающие веки на скамейках; окурки, фантики, обрывки туалетной бумаги под ногами – все это словно убрали с глаз долой к прибытию столичного гостя, любителя путешествовать. Смущали, правда, таксисты, да и те не пугали, лишь озадачивали. Они шли напролом против всех правил маркетинга. Держащиеся в командах по трое-четверо, таксисты носили одинаковые рубашки и джинсы, одинаковые куртки и кепки, безразлично повторяли одни и те же слова, завлекая клиентов. Даже лица у них были схожие, не располагавшие.

Роман оставил в камере хранения два чемодана, а с портфелем и ноутбуком поехал по первому адресу – на улицу Красной Позииции. Некий Андрей Леонидович сдавал там однокомнатную за десять, а в шаговой доступности располагались две школы с вакансиями. Район рядом с центром, что немаловажно. Есть где погулять. Потому что квартира по второму адресу – на Гагарина – находится в монотонном спальном районе, который словно один на всю Россию, с клонами от Калининграда до Владивостока. Если в ментальном поиске переезжать в другой город, то вплотную к его сердцу, иначе нет смысла.

Неделями рисуя в воображении Казань, Роман допускал три версии, почти не стыкующиеся друг с другом.

В первой властвовал дикий контраст между центром и периферией. В центре по прихоти элиты проводились мировые форумы, Всемирная летняя универсиада и чемпионат мира по водным видам спорта, а на периферии текла самая будничная пятиэтажная жизнь с пьянством, скандалами и поножовщиной. Будущее детей определялось на генетическом уровне: в центре они рождались избалованными и испорченными, на периферии – озлобленными и обреченными. Кто-то из горожан имел два автомобиля, кто-то перемещался в переполненном трамвае, лязгающем, как ведро с гвоздями. Ночью город превращался в шум. В сердце асфальт сотрясался от гвалта корпоративов и ночных клубов, пока по краям, в рюмочных, с хрустом разбивались носы и проламывались черепа, а на пустырях лезли драться стенка на стенку.

Во второй версии Казань представляла тихой провинцией, бессобытийной и однообразной. Милые и сердечные бюргеры неспешно прогуливались по тенистым аллеям и бормотали под нос песни, давно выпавшие из хит-парадов и горячей ротации. Почти все были знакомы между собой, а гостей из иных краев сразу зазывали на чай и исподволь, точно ненароком приучали к своим нравам и обычаям. Все отдавалось на откуп середнякам. Здесь не водилось ни гениев, ни злодеев, так как все неповторимое и угловатое, сточив зубы, либо растворялось в кислотно-заедающей среде, либо исторгалось из дружной семьи середнячков без права на возвращение. Стихи во второй Казани писали охотно, но исключительно в классических формах и без претензии на эксперименты, а проза начиналась с испытанных образов вроде крепнущего мороза.

Согласно третьей версии, город отличался местным колоритом. На поверхностный взгляд, Тюмень, Брянск, Чебоксары, Хабаровск, Петрозаводск – какая москвичу разница? Безусловно, если копнуть, то за каждым этим названием кроется своеобразие, целый культурный пласт. Казань завлекала национальным своеобычием. К узнаваемой общероссийской ментальности, где в странных пропорциях перемешались отфильтрованные установки из «Домостроя», советские привычки и самые безвкусовые образцы западной культуры, в Казани добавлялись этнические оттенки. Так как фундаментализм не приветствовался, женщин, конечно, не заставляли носить хиджаб и паранджу, а неприкосновенная административными мерами русская речь слышалась всюду. При этом модно было надевать тубетейки, громко говорить на татарском и по-дружески подкалывать Ивана: помнишь, мол, как ваши словили под Калкой, а?

В каком бы обличье ни предстал город, подразумевалось, что его населяют люди самолюбивые, сребролюбивые, гордые, надменные, злоречивые, родителям непокорные, неблагодарные, нечестивые. Люди более сластолюбивые, нежели боголюбивые, и имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Роман, вместо того чтобы от них удаляться, шел к ним, чтобы говорить с ними и их наставлять.

Платить за проезд оказалось проще, чем в московских автобусах. Водитель, смуглый южанин, на правильном русском объяснил, что турникетов в казанском наземном транспорте нет, и указал на кондуктора. Купив билет с рекламой пластиковых окон на оборотной стороне, Роман занял сиденье у окошка. Обхватив руками портфель и сумку с ноутбуком, он наблюдал, как мимо проплывают старые дома, залатанные и не очень, автобусная стоянка, рынок. На остановке южный водитель рискнул обогнать коллегу по цеху по второй полосе, едва не подрезав успевший в последний миг сбавить скорость «Рено». В награду смельчак получил два истошных сигнала в спину.

Взгляд Романа зацепился за здание с голубой покатою крышей и площадь с фонтанами рядом с ним. За площадью простирался водоем, на акватории которого белели многочисленные лодки и катамараны. Роман тут же забросил удочку в поисковик на смартфоне. Здание – театр имени Галиаскара Камала, родоначальника татарской драматургии, комедиографа, разбавлявшего собственное творчество адаптированными переводами из Островского. Ну-ну. Постановки в театре идут строго на татарском языке, в том числе пьесы Шекспира, Мольера, Джармуша. Занятое зрелище, должно быть. Так. Фонтаны светомузыкальные, а площадь с ними – в ряду обязательных для ознакомления достопримечательностей. Это неинтересно. Надо долго жить в норе или в пещере, чтобы тебя изумили светомузыкальные фонтаны. Водоем – древнее озеро Кабан, окутанное сонмом легенд и преданий. И на Кабане действует прокат лодок.

Во вторую встречу с К. они катались на лодке. Она категорически не принимала слово «свидание», ни в первый раз, ни после.

Увлечшись переходом по ссылкам, Роман едва не пропустил остановку. Чуть не подумал назвать ее своей, да какая она своя.

Но прилично

К полудню сделалось еще более душно. В горле пересохло, так что перво-наперво Роман забрел в «Пятерочку» за минералкой. Как всегда, в магазине планы скорректировались. Глаз упал на лимонад, а еще проснулся голод. В итоге кассир пробил «Буратино», сырную булочку и «Орбит» с перечной мятой. А ведь стоматолог предостерегал от жвачек.

Набрал номер.

– Здравствуйте, Андрей. Я обещал позвонить. Не отвлекаю вас?

– Роман ведь? Нет, не отвлекаете. Во сколько будете?

– Можно не в час, а чуть пораньше? Уже приехал, в принципе готов подойти сейчас.

– Я тоже на месте. Дом найти легко, в нем еще «Шаром-даром» магазин и «Наша марка».

Роман посмотрел баланс. За разговор с владельцем квартиры вычли двадцать с копейками. Без местной симки не обойтись.

Путь на улицу Красной Позиции проходил через мост над железной дорогой. Ветка пролегла в широком овраге и исчезала за поворотом вдалеке. Светлые новости. Когда нагрянет неодолимая хтонь, известно, что в двух шагах разъезжают составы, груженные товаром и пассажирами. Лев Николаевич, думается, немало способствовал популяризации гибели под колесами поездов. Впрочем, это все Гете виноват со своим Вертером. Скольких надоумил, и не счесть.

Улица Красной Позиции растянулась вдоль оврага. Повсюду росли деревья. Кособокие, кучерявые, ветки местами спиленные. Из домов преобладали хрущевки, также встретились два старых общежития и вытянутое строение, смахивающее на казарму. Нужный адрес Роман отыскал быстро.

Идиллический двор, спрятавшийся среди домов-близнецов, порождал тоску по вымышленному времени, когда все были равны и счастливы и довольствовались малым. Роман насчитал пять скамеек – все с голубыми сиденьями и красными ножками. Три из них облюбовали бабки. Еще выделялась железная беседка, не предназначенная, очевидно, для уединения, потому что она находилась на виду у сотен окон. Траву здесь словно и не стригли. Если бы не автомобили под окнами и домофоны на подъездах, во дворе хоть завтра можно было снимать семейную сагу о жизни при Брежневе.

Хозяин, худощавый Андрей, предстал в водолажке и черных джинсах. Он приступил к представлению квартиры без раскачки.

– Я в курсе, что сдаю ниже рыночной стоимости. Сам живу за городом, в Казань навещаюсь нечасто. Дом хороший, три года назад проводили капремонт. Окна, как видишь, не на солнечную сторону, поэтому не жарко. Зимой топят исправно, мерзнуть не станешь. Не Москва, но прилично.

Завершив последнюю фразу, Андрей на мгновение замер, остановив взгляд на госте, точно ожидая капризов от столичного фрукта. В хозяине, несмотря на отсутствие могучей стати, все равно безошибочно подмечалось нечто мужицкое, не измеряемое рейтингами и социальными опросами. Не составляло труда вообразить, как Андрей колет дрова или, расстелив на асфальте куртку, сосредоточенно латает что-то в брюхе машины.

– Куришь?

– Нет.

– Тогда ладно. Потому что балкона тоже нет. Если вдруг закуришь, то во дворе.

– Не буду. У меня астма, – соврал Роман, чтобы прозвучало убедительнее. – Скажите, пожалуйста, диван раскладывается?

– Конечно. Показать?

– Спасибо, я разберусь.

Андрей повел Романа на кухню. Если в комнате был постелен линолеум песчаного цвета с крапинками, местами вздувшийся, то на кухне хозяин положил кафель. Допотопная газовая плита просилась в утиль, зато навесные шкафы, микроволновка и вместительный холодильник производили впечатление надежных товарищей.

Чиркнув спичкой, хозяин зажег последовательно три огня на плите.

– Вторая конфорка нерабочая, предупреждаю. Что касается посуды, то вся есть. Кастрюля и сковорода тоже.

– А духовка работает?

– Пашет. Вчера картошку жарил.

Тесной ванной комнате Роман выставил бы четверку с минусом. Задвижки на двери не было, плотно она и не закрывалась. Смеситель мужественно доживал свой век. До четверки по пятибалльной шкале ванная дотягивала благодаря стиральной машине, чудесным образом размещенной в крохотном пространстве так, чтобы не загораживать прохода. Пахло одеколоном.

Андрей опустошил сливной бачок, словно заверяя в его исправности.

Они вернулись в комнату.

– Меня все устраивает, – сказал Роман. – Скажите, пожалуйста, вы сегодня еще здесь?

– Нужно поразмыслить еще, посоветоваться?

– Вероятно, недолго. Не больше двух часов.

– Смотри, в пять я уезжаю. На крайний, можешь сегодня решать, а завтра мне позвонишь.

– Обещаю до пяти позвонить.

Последние слова Роман произнес чрезмерно серьезно и торжественно, отчего Андрей добродушно усмехнулся.

– До пяти так до пяти. Может, чаю?

– Спасибо, лучше вечером.

Спускаясь по лестнице, Роман обнаружил две вещи, не замеченные поначалу. Во-первых, четвертый этаж. Во-вторых, в квартире нет противных запахов – от стен ли, от пола, от мебели, от жильцов бывших.

Марат Тулпарович

Директор самолично снял трубку и сразу взял доверительный тон. Сообщил, что едва вернулся с совещания. Педагог им требуется, и Роман может заглянуть в школу хоть сейчас. Вы просите вакансий? Их есть у меня.

Путь до школы порядком измотал. Дважды не помог и «Дубль Гис», отчего пришлось обращаться к старушкам. Первая, с невразумительной речью, указала клюкой неверное направление. Прежде чем одуматься, Роман миновал три лишних двора и покончил с сырной булочкой и «Буратино», уже теплым. Вторая бабка выражалась точно, зато многословно, и ее витиеватые подсказки также заставили поломать голову.

Огороженная спортивная площадка с покрытием из резиновой крошки, баскетбольными щитами и воротами для мини-футбола давала понять, что к чему, к чему, а к спорту в школе настроены серьезно. Учебное здание из четырех этажей, точно вытесанное из белого камня, смотрелось свежо. Роман напрасно рассчитывал, что впечатление испортит какая-нибудь дурацкая, криво нацарапанная на стене надпись, безапелляционно гласящая, будто некий Вася – это черт. Судя по всему, на парадном фасаде ученики таких вольностей себе не позволяли.

Вахтерша в будке объяснила, что директорский кабинет искать следует в конце коридора. На полу там и сям попадались остатки строительного мусора. Один рабочий на корточках красил плинтус. В запыленных штанах, где карманов было что на жилетке Вассермана, и в рубашке в черно-белую клетку рабочий управлялся с кистью по-свойски и в меру неряшливо.

Секретарь, немолодая дама, представившаяся Еленой Витальевной, сказала, что директор пока занят.

– У него родительница. Посиди тут. Устраиваться пришел?

– Да.

Роман занял стул напротив секретарского стола и положил на колени рюкзак и портфель с ноутбуком. Елена Витальевна отодвинулась от монитора и оценила посетителя взглядом из-под очков.

– Что преподаешь?

– Русский язык и литературу.

– Полезное дело. Алина Федоровна довела свой одиннадцатый класс до выпуска и ушла.

В июле замену не подобрали, а в августе Марат Тулпарович одного педагога не принял.

Роман пожал плечами на это «довела», избавив себя от необходимости озвучивать пошлость в духе «всякое бывает» или «случается и так».

– Ты молодой. Молодых он любит, – сказала Елена Витальевна.

Чувствовалось, она не прочь посплетничать. Теоретически Роман знал десятки способов сократить дистанцию и вывести сокровенные подробности. Как, например, директор относится к стенгазетам, где ученикам предоставляется свобода самовыражения? Можно ли читать школьникам внепрограммные стихи? Если да, насколько внепрограммные? Вместо того чтобы аккуратно расспросить Елену Витальевну, Роман предпочел отмалчиваться.

После родительницы настал черед Романа.

Чтобы поприветствовать его, директор поднялся из-за стола. Богатырские габариты директора внушали уважение. Высокий, ширококостный, с волосатыми руками, он мог показаться атлетом, если бы не малость выпуклый небогатырский живот. Маленький подбородок и живая улыбка делали его похожим на ребенка, поэтому нельзя было с уверенностью предположить, сколько Марату Тулпаровичу лет. Тридцать, сорок? Голубая рубашка с короткими рукавами в сочетании с синим в тонкую белую полоску галстуком утверждала, что даже на

время ремонта директор не позволяет себе являться на службу в свитере или, страшно подумать, футболке.

Обменялись приветствиями.

– Что заканчивали?

Осознавая, какой он недогада, Роман стал доставать из портфеля документы, стараясь при этом надолго не отрывать взгляда от директора.

– МГУ, филологический.

– Московский университет? – уточнил Марат Тулпарович.

– Да. Вот.

Роман протянул директору папку.

– Красный, – с уважением отметил Марат Тулпарович. – Преподавали?

– Нет. Два года работал репетитором. Готовил к ЕГЭ, к ГИА. То есть теперь ОГЭ.

– Какие успехи?

– Все сдавали на четверки-пятерки. С детьми работать люблю.

Директор еще раз открыл паспорт.

– Почему переехали в Казань? Редкий выбор для молодого москвича.

– Дедушка родом отсюда. В детстве много славных историй рассказывал. Еще собираюсь научную работу писать о казанском поэте Петре Перцове. Это друг Пушкина, – добавил Роман, видя, что имя Перцова ничего Марату Тулпаровичу не говорит.

– Не сорветесь в Москву посреди года? – спросил директор, улыбаясь и вместе с тем серьезно.

– Настрой у меня решительный, – заверил Роман, вытаскивая из портфеля два методических пособия по русскому. – Я уже снял квартиру неподалеку.

– Где, если не секрет?

– На Красной Позии.

– Настрой и правда боевой, – согласился Марат Тулпарович. – Что ж, работа вас ожидает интересная, пусть и нелегкая. Я сторонник привлечения в школу молодых специалистов. В прошлом году пришел информатик, в этом году – преподаватель английского. Все полны сил и хотят трудиться. Я три года директор и вижу, что детям нравится заниматься с молодыми мужчинами. Мужчинам проще завоевать доверие и авторитет.

– У меня получается наладить контакт с учениками, – на всякий случай сказал Роман.

– Бывают и неудачи, – продолжил Марат Тулпарович. – К нам историк устраивался. Начитанный, эрудированный. Панк при этом. Через неделю уволился. Не справился с детьми. Сказал: «Нет, не мое».

– По-моему, слабый поступок, – сказал Роман осторожно: дозволено ему выносить суждения или пока нет? Директор неудовольствия не выразил. – Обещаю отнестись к работе ответственно. Если бежать от трудностей, то никогда не обретешь себя.

Хорошая сентенция, отметил мимоходом Роман. В духе производственного романа.

– Рад слышать, – сказал Марат Тулпарович. – Понимаю вас. Я тоже преподаю, математику. Был учителем года в Татарстане. В 2012 году. – Директор повернулся к стене и показал на диплом в рамке. Рядом висели другие дипломы и фото, на котором директору пожимал руку некий значительный субъект.

Роман изобразил на лице сдержанное восхищение.

– По нормативу ставка составляет восемнадцать часов, – сказал директор, садясь на место. – Иногда педагогам добавляют дополнительные два-три часа, не больше.

– Чтобы распределить по учителям все классы?

– Правильно. Раньше могли и тридцать часов нагрузки вписать в план, и тридцать шесть, теперь министерство против этого. Наоборот, ставки сокращают. У вас больше двадцати часов точно не будет.

– Спасибо.

– Зарплата около двадцати тысяч плюс премия. Учителям по русскому и математике доплачивают за проверку тетрадей. У вас нет категории и стажа, зато вам полагается надбавка как молодому специалисту. От двадцати до сорока процентов от оклада – в зависимости от того, как постановит татарстанское Министерство образования. В прошлом году было тридцать. Кроме того, есть баллы за эффективность. Они высчитываются поквартально, там целый ряд параметров: как успевают ученики, как содержится кабинет, нет ли нарушений дисциплины...

Марат Тулпарович обстоятельно вводил Романа в курс дела. К первому сентября нужно составить календарно-тематический план на учебный год и сдать его Ирине Ивановне. До начала учебы рабочая неделя длится с понедельника по пятницу, с девяти до четырнадцати часов. О том, какие классы внесли в нагрузку Роману, будет известно в понедельник. Дети по характеру и темпераменту разные: есть победители конкурсов, а есть трудные подростки. Двоих перевели на домашнее обучение, директор уже ходатайствует об их переводе в вечернюю школу. Все оценки, информацию о посещении требуется ежедневно до полуночи вносить в электронный журнал. Из формы обязательны брюки, рубашка и вторая обувь, никаких джинсов. Уроки длятся сорок пять минут. Каждый учитель дважды в неделю осуществляет дежурство на этаже во время перемен.

Пока Роман писал заявление, Марат Тулпарович снял копии документов на секретарском принтере.

Напоследок директор сердечно пожал руку новоиспеченному молодому специалисту и спросил:

– Что для вас главное в работе учителем, Роман Павлович?

– Для меня нет большей радости, чем слышать, что дети благодарят меня, – сказал Роман важно.

И прибавил мысленно: «И ходят в истине».

Перед выходом, прощаясь с вахтером, Роман заметил сбоку от стенда для расписания намалеванного на стене Карлсона в полете, прижимающего к груди банку с вареньем. В голове вмиг ожил голос Ливанова, всплыли сценки из мультфильма. Художника стоило похвалить и за талант и за тщание.

Всякий, кто оставит

По дороге на Красную Позицию Роман уяснил для себя, что особенного в казанской жаре. Небо плотно затянуло полупрозрачными белесыми облаками, укрывшими за собой и солнце. Город точно спрятали в полиэтиленовом пакете. Местные двигались медленно, экономя кислород, притворялись, будто им не грозит удушье.

Хозяин квартиры обрадовался возможности уладить дела сегодня. За чаем он достал припасенный договор о найме. Условились, что сумму за первые два месяца Роман внесет сразу, а деньги за квартплату будет вручать Андрею по факту появления счет-фактуры. Когда чай был выпит, а подписи поставлены, хозяин раскрыл премудрости дверного замка.

– Поворачиваешь влево до упора, а через секунду делаешь ключом движение влево и как бы вниз. Попробуй.

С четвертой попытки Роман освоил технику «Влево-и-как-бы-вниз».

– Телевизор смотришь? – спросил Андрей.

– Новости по Первому каналу.

Хозяин не уловил иронии.

– Правда? С этим незадача. Видишь тумбочку? Раньше на ней телевизор был. Предыдущий постоялец вынес, а я лишь потом заметил.

– Удалось вернуть?

– Нет. Постоялец нерусский был. Пропал моментально, как съехал. Если телевизор нужен, я с дачи привезу.

– Не принципиально, – успокоил Роман. – У меня интернет 3G, через ноутбук буду следить за новостями.

Андрей бесплатно довез гостя до вокзала, там и распрощались. Забрав вещи из камеры хранения, Роман привез их на Красную Позицию. Повалив чемоданы в угол, он снова выбрался на улицу. Магазин «Наша марка», расположившийся в доме, где москвичу предстояло обрести свое имя, своему названию не соответствовал. «Наша марка» предлагала рядовой набор товаров, почти такой же, как в какой-нибудь «Пятерочке» или «Магните». Повинуясь необъяснимой воле, Роман взял на ужин бородинский хлеб, вареную колбасу и три бутылки горького эля «Алтайский ветер» по акции.

Бабки на скамейке провожали новоявленного заселенца долгими взглядами, то ли осуждая за чрезмерную активность в перемещениях, то ли выгадывая, чего от него можно ожидать. Из окна на втором этаже смотрела, раздвинув шторы, молодая мама с девочкой в белом. Девочка стояла нетвердыми ногами на подоконнике, приложив ладошку к стеклу. На ее лице рисовалось беззастенчивое любопытство.

Жаря на сковороде нарезанную кружками колбасу, Роман вообразил, как ночью из подъездов вылезают отоспавшиеся вурдалаки и на гоповском наречии пылко выясняют, кто чего стоит. Стекла дрожат от звериного хохота, а на неприкаянных волчьих мордах ненависть – друг к другу и ко всем остальным.

Картинка эта существенно разошлась с действительностью: к позднему вечеру двор опустел, но место бабок не занял пьяный сброд. Значит, Казань из второй версии, тишайшая провинция, где размеренность возведена в ранг добродетелей.

Эль пах хвоей, а во вкусе угадывалась приятная кислинка с цитрусовым оттенком. Добротный крафт. Колбаса пригорела, но с хлебом шла за милую душу. Захмелевшего Романа настигло озарение, почему его повлекло именно к жареной колбасе: Карлсон в школе. Попадешь к вам в дом, научишься есть всякую гадость. И с «Алтайским ветром» тоже предельно ясно.

Уже за полночь отослал родителям письмо с аккаунта, который завел вчера специально для связи с прошлым: «Добрался более чем оптимально. В первый же день устроился и заселился. Хозяин квартиры и директор школы произвели самое положительное впечатление. Не теряюсь, и вы не теряйте. Завтра изложу все в деталях. На связи, Рома».

Перед сном открыл на экране «Евангелие от Матфея» и пробежался по фрагментам, выделенным красным. Вот оно. «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

Роман оставил все. Только не ради, а вопреки.

Письмо № 1

От кого: Незванова Сарацина Рахматовича, город Казань, улица Бывалых Вояк, дом 7, квартира 77, 480480

Кому: Тюрикову Сократу Парменидовичу, город Ярославль, улица Статных Оккультистов, дом 8, квартира 88, 840840

Привет-привет!

Что-то мне подсказывает, что весточки от тебя не дождусь. С чего бы, собственно, тебе мне писать?

В Казани всего третий день. Само собой, не обвыкся. Знаю, тебе интереснее, какая у города душа, какие о нем сложены мифы и легенды, что особенного в архитектуре. Об этом я умолчу, чтобы тебя подразнить. Приезжай и увидишь. Сварю тебе кофе – с имбирем и корицей, как ты любишь.

Если вкратце, мои дела так: первый день – бегал и разруливал, второй – пил и прокрастинировал, сегодня – выбрался в исторический центр, как всякий культурный человек. В местном театре ставят Шекспира на татарском языке, прикинь? По отзывам критиков, постановки солидные, не какие-нибудь школьные спектакли, где пресные Самоделкины из-под палки участвуют в постыдном зрелище. Здесь Шекспир так Шекспир. Обстоятельный. И зал полный.

Думаю, малые народности не нуждаются, чтобы с ними обращались как с детьми. Ах, ты книжку с папиной полки достал? И корешок не порвал? Ба, и «Гамлета» по слогам читаешь? Умничка, вот тебе конфетка. Без этого, умоляю.

А еще я брал напрокат лодку на озере Кабан. Как в нашу вторую встречу, в Царицынском парке. Твое лицо в тот вечер освещал лунный свет, все было торжественно и искристо, прямо как в английских романтических балладах. Никогда не забуду, как моторка с серфером на тресе проносилась невдалеке, образуя волны. Волны настигали нас и, словно пронзая нашу лодку насквозь, раскачивали ее. Брызги обдавали лицо и руки. Я чувствовал себя как танцор средних талантов, под которым вдруг зашевелился ковер, заставляя неровно перебирать ногами. Тогда твое хладнокровие спасло нас. Оно удержало воду от попадания за борт, и я вырулил к причалу, ругаясь самыми примитивными ругательствами.

Я не люблю выискивать символы вокруг: во-первых, это ведет к шизофрении, во-вторых, повсюду море знаков, противоречащих друг другу. И все же случай с волнами дал ясное понимание того, что всегда будут силы, способные тебя сокрушить, будь ты хоть трижды подготовленным. Меня поставили перед выбором: либо смириться с превосходящей силой, фанатично уверовав в Того, Кто ходит по воде, либо брать на себя ответственность за тех, кем дорожишь, и бороться за них. Я твердо выбираю второе, пусть этот выбор приводил и будет приводить к поражениям. Не сегодня уступим, так завтра. Волны большие, мы крохотные, поэтому мы должны быть готовы к тому, что в любую минуту нас опрокинет. Не по чьему-то злему умыслу, а из-за общего движения жизни.

В тот вечер в метро я был уверен, что во всех пассажирах есть что-то неповторимое, мысленно наделял их сверхъестественно положительными качествами. К каждому хотелось подойти, чтобы спросить: правда ли, что за всякое, даже мимолетное счастье нужно расплачиваться? За всякое счастье, пусть многие не увидели бы в нем ничего необыкновенного, пусть ты и не поведал об этом счастье ни единой душе, сберег самое сокровенное внутри?

Спросить я не решился. Они бы не сказали: «Это неправда. Тебе показалось. За счастье не расплачиваются». Они бы сказали: «Ты пьян, мистер Джонс, ты пьян. Все получают частичку

прекрасного, но ты не вправе никого винить, когда прекрасное ускользает. Это как идти против смерти. Ложись спать, мистер Джонс».

Уже дома обнаружилось, что начисто забыл о матче «Динамо», а к победе отнесся ровно так же, как если бы динамовцы проиграли. С того дня футбол для меня не существует.

Ностальгировать я ностальгирую, а завтра мне на службу. Ты не поверишь, я устроился в школу. Никаким не охранником, не смешно. По факту буду учить детишек русскому и литературе, а на деле – сеять семена скептицизма и, чем черт не шутит, нигилизма. Директора зовут Марат Тулпарович, и никакой он не француз и не революционер. Сложно сказать, как мы с ним сработаемся, потому что задачи у нас противоположные: он призван поддерживать общепринятые устои, моя воля – расшатывать их. В его интересах – сплотить паству, в моих – вывести породу, привитую от конформизма. У него широкие полномочия, у меня – молодость и задор. Через год сопоставим результаты.

Как ты?

Соблюдаешь режим?

Насчет кофе я не шучу.

Живопись

В первый день он красил.

Роман явился в школу в 8:40, за двадцать минут до начала рабочего дня, за что получил сдержанную похвалу от Елены Витальевны. Секретарь сообщила, что Марата Тулпаровича еще нет, и предложила новичку ознакомиться с кабинетом русского языка. Старушка-вахтер, оторвавшись на минуту от дачно-огородного еженедельника, объяснила, где брать ключ и как расписываться в служебном журнале.

Удивляясь, какой прок в советах для садоводов, когда дачный сезон близится к завершению, Роман поднялся на четвертый этаж. В конце длинного коридора высилась стремянка, на полу и подоконниках осела зримая строительная пыль. Не доносилось ни единого звука. Идея заговорить вслух или присвистнуть воспринималась как покушение на мировой порядок. Всего через две недели будет наоборот, и тишина приравняется к аномалиям навроде шаровых молний или беззаветно влюбленных в классическую литературу школьников.

Убранство класса соответствовало представлениям о Среднестатистическом Кабинете Русского Языка и Литературы. Зеленая доска, парты в три ряда, портреты великих и образцовых, два шкафа. Первый – канцелярский, почти новый. Второй – платяной, дряхленький и покосившийся влево. Будет леваком, коммунистом. Из пластикового ведра в углу торчала деревянная швабра. Стрелки электронных часов над доской застыли на половине третьего. Информационные стенды пустовали, если не считать приглашения на Масленицу и буклета, завлекавшего в автошколу. Роман заподозрил, что его попросят заполнить стенды каким-нибудь полезным материалом.

Что более всего поражало, так это грязь. Ремонтники, орудовавшие по всем этажам, не обделили вниманием и будущего учителя русского. Под ногами скрипело, линолеум едва виднелся под слоем неведомой белой порошкообразной дряни. На окнах проступали пятна, отдаленно напоминающие засохший птичий помет, будто на летние каникулы класс арендовал дрессировщик голубей и внезапно исчез. От одной мысли, что все это придется отскрести и оттирать, сердце сжималось от тоски.

На пути к директорскому кабинету Роман поздоровался с двумя незнакомыми учительницами, обсуждавшими канувший в Лету отпуск. Директор встретил молодого специалиста радушно. Облаченный в изумрудную рубашку с широкими карманами, Марат Тулпарович, закатав рукава, восседал на высоком стуле и листал подшитые документы. За могучей директорской спиной присматривал Путин, чей нескромно большой фотопортрет, не замеченный Романом в предыдущий раз, висел над директорскими дипломами.

– С первого дня с докладом к начальству, – сказал Марат Тулпарович, широко улыбаясь. – Как настрой?

– Боевой, – доложил Роман.

– Это хорошо. Как Казань?

– Обживаюсь. Красивый город. И район мне нравится.

Директор отложил документы.

– Как кабинет?

– Вполне. Светлый, просторный. Пыльный чуть-чуть после каникул, но это исправимо.

Тайное послание в последних словах Марат Тулпарович уловил. А может, в глазах Романа читалась мольба.

– После ремонта всю школу мыть-перемывать надо, – заявил директор. – Скажу технике, чтобы убралась у вас.

– Спасибо. А в течение года тоже она будет убираться?

– Будет. У классных руководителей убираются их ученики, у остальных педагогов – техника.

Роман мысленно возблагодарил босса, не навесившего на него классное руководство. Ходят слухи, что оно превращает жизнь в нескончаемый нервный срыв и сокращает ее на пять лет.

– Скоро вам выдадут ноутбук, – сказал Марат Тулпарович. – Перед тем как приступить к составлению учебного плана, зайдите к Ирине Ивановне. Она завуч по учебной части и куратор по русскому языку. Отчеты у вас будет принимать она. По всем вопросам касательно программ и организации учебного процесса смело обращайтесь к ней.

– А в каком кабинете ее найти?

– В триста седьмом. Это позже. Сейчас вас просит помочь Андрей Константинович, учитель по труду. У него кабинет номер сто два, между лестницей и библиотекой. Разберетесь?

Направляясь к трудовику, Роман мысленно поражался, до чего непринужденно директор навязал ему дополнительное задание. Наверное, оно посложнее, чем подержать стремянку или сбегать за водой. Воображение рисовало картины одну мрачнее другой: разгрести строительный мусор в классе, починить на пару трубу в подвале, перетаскать на горбу десяток-другой дверей с первого этажа на четвертый. А затем перенести их обратно, потому что в финале выяснится, будто двери не те. Что угодно, лишь бы не русский язык с литературой, лишь бы не прописанное в контракте.

Андрей Константинович, склонившись над потемневшим от времени верстаком, перебирал инструменты. Услышав шаги за спиной, он обернулся с остроконечным молотком в руке, словно готовый к труду и обороне одновременно. Роман признал в трудовике вчерашнего рабочего, в штанах с множеством карманов и в клетчатой рубашке, красившего плитус.

– Роман Павлович. Меня направил к вам Марат Тулпарович.

– Андрюха, – представился трудовик. – Живопись любишь?

– Простите?

– Значит, полюбишь.

Они двинулись в левое крыло, отведенное для начальных классов. В столовой, гремя, передвигали столы и скамейки. Из рукомойника стекала тонкой струйкой вода.

– Цени, какая тишина, – сказал Андрей Константинович, вручая Роману кисть. – Началку я ненавижу, особенно в перемену. Орут, галдят, по стенам лезут, седлают друг друга и скачут наперегонки.

Красить с трудовиком оказалось неожиданно просто. С красным лицом и пористыми щеками, он мог сойти за хорошего собутыльника. Понаблюдав за напарником некоторое время, Роман не нашел примет проспиритованной натуры. Никаких неуклюжих движений, помутненного взгляда и прогорклого перегарного запаха. В действиях Андрея Константиновича сквозила невычурная легкость, в карих глазах проступало здоровое любопытство. Он спрашивал Романа, откуда тот, что окончил, на какие оценки учился в школе. В душу не лез.

– Главное, чтобы тебе восьмые классы не дали в нагрузку, – сказал трудовик. – Если дадут, то требуй к зарплате молоко за вредность. А еще удавку на шею.

– Настолько непокорные?

– Жулье, а не дети. Любого доведут до ручки. Я молотком в них кидаюсь – без толку. Уворачиваются. Я за показательные расстрелы на школьном дворе, но директор считает это негуманным.

Хотя Андрей Константинович явно иронизировал, желание беседовать с восьмыми о Пушкине и Салтыкове-Щедрине пропало и не появившись. Не всякая глина годна для лепки.

Плитус Роман красил аккуратно, стараясь не расплескать ни капли краски и распределить ее по поверхности равномерно. Ритм постоянно сбивался. Трудовик, действовавший на порядок быстрее, беззлобно посмеивался над молодым специалистом. Когда они справились с

плинтусом и переместились к участку стены у столовой, Роман вообразил, как зачарованные школьники спрашивают у него позволения поорудовать кистью и предлагают взамен яблоки, бутерброды, стиралки, тетрадки с футболистами и актерами. Вихрастый скандалист из пятого класса клянется написать сочинение на тему «Как я провел лето» на четыре страницы.

Вдруг объявившийся Марат Тулпарович, посмотрев на красящих учителей, удовлетворенно отметил:

– Процесс идет. Хорошо.

В труде и в изнурении, часто в бдении. Директор убедился, что все соответствует утвержденным в незапамятные времена правилам, и удалился в свои покои.

По окончании рабочего дня Роман вернул ключ на вахту и расписался в служебном журнале. 406. Его кабинет теперь 406.

Старушка-вахтер, оторвавшись от дачно-календарного еженедельника, поправила шаль на плечах и попрощалась в ответ.

Ревизия

Багаж мертвым грузом лежал в углу до вечера понедельника.

Поднадоевшую жареную колбасу на столе вытеснили соленые грузди, бородинский хлеб уступил место украинскому, в горячую ротацию добавился томатный соус. Венчал пир неизменный «Алтайский ветер», навевавший думы. Почему модно варить горький эль по технологии английских колонизаторов в Индии? Отказался бы пузатый Карлсон, мужчина в самом расцвете сил, от толкового пива? Наконец, как там К. в краю шаманов?

Захмелевший от трех бутылок Роман уговорил себя провести ревизию. Две пары ботинок и универсальные кроссовки на все случаи жизни. Куртка демисезонная. Брюки, джинсы зимние и джинсы летние, носки – восемь пар. Белье – слишком интимно, чтобы считать. Жилет и пять галстуков. На жилете щегольская цепочка like a sir. Четыре рубашки и девять носовых платков. Лучше бы наоборот. Мягкие футболки – просто желтая, просто белая, с бейсболистом, с кенгуру. Последняя – новогодний подарок от нее.

Банные принадлежности – от Мойдодыра, вестимо.

Леденцы в пакетике. Пластиковый контейнер для пищи. Пятилетний старик-цифровик. Трехлетний плеер, тоже ветеран в своем роде. Часы с поцарапанным циферблатом и потрепанным ремешком. Записная книжка в черной обложке и набор разноцветных ручек. Синий маркер и пачка мела. Губная гармошка. Смутно помнилось, как Слава извлекал из нее пакостные звуки. Тогда чудилось, что скорее у него лопнут легкие или он захлебнется слюной, прежде чем научится сносно играть. Теперь тоску, которую питал в том числе и уход брата, разбавляло ничем не подкрепленное убеждение, будто Слава непременно подчинил бы своей воле губную гармошку, останься он в живых.

Две книги. Новый Завет и увесистая «Радуга тяготения» для гадания. «Ольмека Голд» и «Гленфиддих», обе бутылки на конец времен. Мечта лишенного дара поэта, осипшего и оглохшего, – смаковать односолодовый виски и наблюдать в прямом эфире за Армагеддоном. Лишиться всех опор и пить. Исступленный Христос будет гордиться деяниями своими, когда принесет, как и грозился, земле не мир, но разделение, когда пятеро в одном доме станут разделяться и сын будет против отца. То-то заварушка начнется.

Возвращаясь к насущному. Наличных – 35 734 рубля. Плата за квартиру – 141 тысяч. Еда. Мобильная связь и интернет. Зимой точно понадобится теплая куртка. Вдобавок расходы, для приличия нареченные непредвиденными. Лишь бы зубы не болели. Директор обещал зарплату около двадцати. Плюс премия, точно. В той же организации, где инструктировали Тихонова Романа Павловича, ему подыскали двух учеников. Репетиторство по скайпу. Одиннадцатиклассник из Москвы и девятиклассник из Барнаула. 4000 + 2400 ежемесячно. Что за верблюжья привычка сперва подсчитывать убытки, пинками загоняя себя в долговую яму, а затем припоминать о доходах? Чтобы уверить себя, будто ты не такой уж и вырожденец?

Еще этот Барнаул. Алтай, преследующий и всепоглощающий.

Что там со школой впереди?

Чтобы узнать ответ, на ночь Роман загадал третью строчку сверху на шестьсот пятьдесят четвертой странице. Плутоватый Пинчон обнадеживал и озадачивал: «Ресницы и добрые глаза, их улыбки, их красоту в перемещении по пересеченной местности».

Чем пересеченная? Болотами и оврагами?

Трава и краска

Покраски на второй день снова выдалось больше, чем русского.

К малярному искусству приобщились два других учителя. Роман при рукопожатии мысленно окрестил их толстым и тонким.

– Артур Станиславович, учитель информатики.

– Вадим, учитель кибернетики.

Толстый говорил неторопливо, редко и не к месту, словно не нуждаясь в слушателях. Хотя он едва ли был старше тридцати, волос его коснулась седина. Видимо, из-за этого Артур Станиславович стригся по-спортивному. Один взгляд на грузного информатика напомнил Роману, что ему пора сокращать собственную пивную норму на вечер, несмотря на худощавость и быстрый обмен веществ. Толстый время от времени хватался за красную шею, точно отгонял невидимых комаров.

Блондин тонкий, ровесник Романа, тоже устроился в школу в августе. Преподавал он не кибернетику, а английский. Каждая его фраза таила едва уловимую иронию. Вадим выразил мнение, что работа с кистью – это лишь первое испытание в цепи, уготованное старожилыми новичкам. Дальше последуют ссылка в канцелярский магазин за редким видом скрепок и танцевальный номер на День учителя. Обаятельный и остроумный, изящно и неброско одетый, англичанин был обречен нравиться. И школьницам тоже.

Андрюха поделился со всеми свежей новостью. В Челябинске накрыли притон, попутно освободив из него хорька-наркомана Кузьму. После хохм про бедное млекопитающее, подсевшее на вещества, беседа повернула в сторону малоисследованной проблемы: есть ли маляры, подавшиеся в профессию из токсикоманских пристрастий? Точку в споре поставил Вадим, заявивший, что мотивы красить бывают разными, однако средний маляр со стажем так же далек от токсикомании, как опытный доктор – от гуманизма, ибо любовь, перетекшая в обязанность, теряет очарование.

Вдохновленный диспутом, Роман вывел любопытную классификацию:

– Что, если люди делятся на два типа: те, кто любит запах краски, и те, кто не любит? Как правило, те, кому нравится дышать краской, не в восторге от аромата свежескошенной травы. И наоборот, поклонники запаха травы – это противники краски.

– Точно! – воскликнул Андрюха. – Я бы лучше с газонокосилкой мудохался, чем этой дрянью дышать.

И вывел кистью долгую жирную линию на стене.

К полудню объявился торг-беше. Его принесла женщина в длинном чесучовом сарафане с широкими бретелями. По важности походки и пытливому взгляду из-под очков Роман догадался, что по статусу она никак не ниже учителя первой категории. Не ошибся: то спустилась с третьего этажа завуч Ирина Ивановна и позвала всех пить чай в столовую.

Андрюха от торта отказался и ел хлеб с солью. Артур Станиславович забрал и долю трюдовика, без стеснения набивая рот и кроша бешу на стол. Ирина Ивановна, шапочко познакомившись с новичками, велела им сегодня заглянуть к ней.

– Мы сначала с Романом Павловичем все вопросы обсудим, а затем с вами. Хорошо, Вадим Анатольевич?

Она тщательно произносила имена, точно запоминая их таким образом.

Кабинет завуча по учебной части отличался от директорского небольшими размерами и уютом. Глиняные цветочные горшки, римские шторы из полупрозрачной белой ткани, семейный портрет в рамке на столе. Лучезарные Ирина Ивановна с супругом чувствовали себя на фото комфортнее мальчугана, с кислой миной сносящего мамини руки на плечах. На стене

в кабинете также красовались дипломы и грамоты. «Награждается 10 «А» класс за победу в районном конкурсе «С песней по жизни». И так далее.

– Как видите, классы небольшие. Нигде нет больше двадцати одного человека, – сказала Ирина Ивановна, протягивая Роману четыре распечатки с фамилиями учеников. – У 6 «А» я вела в прошлом году. Дети там по большей части, скажем так, шепутные. В начальной школе у них каждый год менялся классный руководитель, и это повлияло на дисциплину. Есть там такой Эткинд. Ашер зовут. Он любит всякие неуместные вопросы задавать. Про бороду Толстого, про спартанских воинов. Посреди итогового диктанта спросил у меня, смотрела ли я «Хоббита». У всех внимание рассеялось, ошибок понаделали.

Роман записывал все в блокнот. Возможность поработать с представителем ветхозаветной национальности прельщала.

– У 5 «А» та же история с классным руководителем. Три сменилось. Имеют привычку стоять на ушах. Какими вы их сделаете, такими они и будут. Поэтому так важно донести правила поведения и настроить на учебу с первых дней. 8 «А» – это слабый класс. Есть неугомонные товарищи, которые портят атмосферу. Когда их нет, остальные спокойно занимаются. В 8 «Б» учатся наши главные звездочки – Гараева и Мингазина. В целом класс шумный, но способный. Опять же, важно сразу направить их в нужное русло. Не потакайте слабостям.

После общих оценок Ирина Ивановна прошла по некоторым персоналиям.

– Может быть, заметили: в 6 «А» есть Елисеева Эвелина, а в 8 «А» – Елисеев Марк. Это брат с сестрой. Они из большой семьи, баптисты. Все их братья и сестры учились у нас, это младшие. Дети очень вежливые и умные. В том же 6 «А» есть новичок – Исмаев. Мальчик из татарской деревни. Наверное, будут проблемы со знанием языка.

Также Ирина Ивановна дала для изучения методические брошюры и скинула на флешку Романа госстандарты третьего поколения и материалы по типам уроков, видам контроля и орфографическому режиму. К 28 сентября требовалось составить 8 календарно-тематических планов: по русскому языку и литературе для каждого класса.

Чувствовалось, что завуч привыкла работать со школьниками помладше. Объясняла она докучливо и до чрезмерности обстоятельно. А завершила лаконичным советом:

– Завоюйте их доверие!

По дороге из школы Роман вспомнил, что с К. они не сошлись в том числе из-за краски и свежескошенной травы. Он полностью разделял мнение Андрюхи по поводу газонокосилки, а К. предпочитала краску. В голове не укладывалось, как этот мерзостный запах может доставлять удовольствие. Всякому разнообразию должен быть предел.

Команда

Андрюха извлек из закровов ноутбук и наказал беречь. На заряднике почти стерлась выведенная когда-то белой акварелью надпись «Русский язык». Привередливый тачпад чудил и таки вынудил раскошелиться на мышку. Заодно Роман купил две пачки мела, тряпки, чистящие средства и батарейку для электронных часов над доской.

Ирина Ивановна сообщила, что вай-фай в школе появится к сентябрю. Роман изнывал от скуки в своем кабинете и, засев за последнюю парту, под видом разработки календарно-тематических планов смотрел четвертый сезон «Американской истории ужасов». Для приличия учитель обложился учебниками и пособиями. Окрашенная в неестественно светлые и яркие тона история про шоууродов утомляла. Читать не хотелось, работать – тем более. Август тянулся медленно.

Выходили из отпуска другие учителя. По их примеру молодой специалист не закрывал дверь в класс. Пусть не думают, что изолируется от коллектива и бросает вызов партийной линии.

Математик Галина Леонидовна, поздоровавшись, окинула взглядом кабинет. Она пожелала удачи и прибавила:

– Не теряйтесь, если ученики будут говорить по поводу некоторых моментов, что у Алины Федоровны было не так. Сравнения – это нормально.

Техничка явилась аккурат к концу четвертой серии. Пока она мыла пол, у нее с Романом завязалась дружелюбная беседа. Узнав, что Роман устроился в школу впервые, уборщица посоветовала не бояться.

– Дети всякие бывают, добрые и не очень. Тех, кто не очень, больше. Это нестрашно. Главное – помнить, что вы тут главный.

Последняя фраза произвела эффект. В тот же день Роман на правах главного, набрав воды на первом этаже, отчистил от строительной дряни окна и подоконники. Жить стало веселей, хоть и не легче.

Приходила знакомиться историк Анастасия Олеговна, толстенькая дама из кабинета по соседству. Выяснив, что молодой коллега москвич, она обрадованно сказала, что приехала в Казань из Йошкар-Олы месяц назад и теперь живет с дочкой в общежитии рядом. Анастасия Олеговна похвасталась, что ее ученики занимали призовые места на всероссийской олимпиаде по обществознанию.

– Вам какой-нибудь класс дали?

Роман догадался, что речь о классном руководстве, и ответил:

– Нет, я еще маленький.

– А мне пятиклашек вписали в нагрузку. Теперь вот голову ломаю, куда букеты девать после первого сентября, – невесело пошутила историк.

На прощанье она позвала к себе на чай, не уточнив ни адреса, ни даты.

Директор нагрянул неожиданно, на сцене очередного жестокого убийства в «Американской истории ужасов». Вмиг оробевший Роман поспешно выдернул наушники и открыл заготовленную вкладку с таблицей для календарно-тематического плана. Со стороны могло показаться, будто учитель составляет программу под музыку, чтобы сосредоточиться.

– Процесс идет?

– Идет!

Роман сжался. Марат Тулпарович чинно прошествовал по кабинету и критически обозрел классиков на портретах, словно решая, позволить Пушкину и братии красоваться у всех на виду или заменить их на президента и его приближенных. Классики поникли, замаялся даже

неистовый Виссарион. Чистые окна и подоконник от директорского внимания ускользнули, зато пустующие стенды привлекли интерес.

– Заполните их, Роман Павлович, – сказал директор. – Вывесьте устав школы, правила поведения в кабинете, нормы сдачи ЕГЭ и ОГЭ, советы сдающим. На стендах у доски лучше поместить термины разные и текущие правила. Согласны?

Несмотря на то что его классам экзамены не грозили, Роман послушно обещал исполнить.

Забегал Андрюха со встопорщенными волосами.

– Я тебе ключ сделал. От философской комнаты.

– От чего?

– От туалета учительского, говорю. Он на втором этаже, в конце коридора. Видел, как ты на первый за водой гонял. Держи.

Странный визит нанес Артур Станиславович. В белой рубашке с короткими рукавами и высоко натянутых брюках он напоминал пионера из старого букваря, только красного галстука не хватало. Информатик пустился без вводной части в воспоминания о норовистом вузовским преподавателе по педагогике, заставлявшем покупать пособия его авторства. Пренебрегших его научными трудами старый шантажист срезал на экзамене. Чего ради Артур Станиславович рассказал эту историю, он и сам едва ли знал.

Загорелая учительница татарского в платье с цветочным узором попробовала заговорить на родном языке, чем смутила москвичка. Заметив его изумленно распахнутые глаза, она на великом и могучем отрекомендовалась как классный руководитель 6 «А» и заверила, что окажет любую посильную помощь. Имя татарки моментально выпало из памяти.

Заявился с визитом англичанин. Не Вадим, другой. Крупноносый, с квадратным лицом, в безупречном костюме и бордовой рубашке. Вид портит старомодные очки с толстыми стеклами. Бесцеремонно широкими шагами незваный гость преодолел расстояние от двери до последней парты, где Роман в очередной раз нажал на «стоп» в проигрывателе и щелкнул по вкладке с таблицей. Вошедший принес крепкий запах самцового парфюма.

– Тук-тук.

– Здравствуйте. Я новый учитель по русскому и литературе. Роман.

Хмурость взгляда зашкаливала. Судя по всему, с любезностью гость не дружил.

– Без отчества?

– Романович. То есть Павлович.

– Бесконечно рад, Романович Павлович. Максим Максимыч я. Инглиш лэнгветч, – с этими словами англичанин протянул увесистую грубую длань.

– Вы серьезно? Насчет имени?

– Хоть бы один филолог не уточнял. Вспомнил какое-то произведение?

Сконфуженный Роман выдержал паузу. Глубоко вдохнул, чтобы не ляпнуть глупость, и сказал:

– «Кому на Руси жить хорошо». В финале Лермонтов напрямую вопрошает: «Кому у нас лучше всех живется?» И сразу дает ответ: «Максиму Максимычу».

В глазах англичанина мелькнула заинтересованность.

– Да ну? Я-то гадаю, что это у меня жизнь все лучше и слаще. Вот оно чего. Классик предрек.

Не оборачиваясь, Максим Максимыч неторопливо удалился. Он сознавал себя глубиной, совершенно определенно.

Искусство чесать языком

В один из вечеров Роман захватил цифровик и отправился гулять в центр. Несоразмерность в облике Казани вызывала то недоумение, то горькую усмешку. Площадь Тукая, главную в городе, увечили неоднократно. На углу площади, на расчищенном холме одиноко торчал несуразный памятник Вахитову – местному революционеру, как пояснил поисковик. Через дорогу, на выходе из метро, громоздился смахивавший на «Охотный Ряд» торговый центр «Кольцо» в синих тонах. На подходах к нему раскинулась автостоянка.

Сердце екало при виде сооружения в старинном стиле напротив театра Камала, что с голубой покатою крышей. Неброское изящество и точность линий, закругленные кверху окна, башенка с флюгером – впечатление от этого напрочь разрушала двухэтажная надстройка с фасадом из темного стекла. Архитектор словно попробовал себя в роли свахи, сведя утонченную аристократку с нуворишем, и вроде как остался доволен своим трудом.

Из минаретов разбросанных по округе мечетей выглядывали белые громкоговорители. Роман всегда сторонился пуризма в чем бы то ни было и не допускал мракобесных мыслей, будто всякий технический прогресс от дьявола, однако эти громкоговорители возмущали не меньше, чем индульгенции, купленные по эсэмэс. Религию, идущую в ногу со временем, нельзя не подозревать в нечистоплотности.

Воспетый Евтушенко Казанский университет притупил тоску. Роман покружил рядом с учебными корпусами и библиотекой, сделал десяток снимков. Дом Лобачевского, некогда служившего здесь ректором, находился в шаге от главного здания с белыми колоннами. До чего же легко геометр добирался до работы, не растрачивал время и нервы в пробках.

На полукруглой площадке перед главным зданием, обрамленной двумя вытянутыми дугой скамьями, посреди цветочной клумбы, возвышался памятник Ульянову-студенту. Володя еще не обзавелся бородкой и кепкой и не расстался с шевелюрой. В гранитных юных глазах угадывались сосредоточенность и ум. На скамейке одинокая брюнетка в летнем платье без рукавов и в балетках попивала минералку и читала Сафарли.

За всю прогулку он ни разу не услышал татарской речи. Утомленный и натерший мозоль на левой ноге, Роман забрел в паб «Белфаст». «Белхавен» пятерки не заслужил, однако официантка получила положенные десять процентов чаевых.

На следующий день в кабинет заявился Максим Максимыч и в своей фирменной неприветливой манере предложил выпить пива.

– Угощаю в честь знакомства, – пасмурным тоном произнес он.

В полдень, сдав ключи на вахту и попрощавшись по пути с Андрюхой, который тащил стремянку, Максим Максимыч и Роман двинулись пить пиво. Англичанин закурил. В его руке покачивался старомодный дипломат с позолоченными заклепками, эффектная рубашка цвета электрик контрастировала с вялым выражением на лице.

Привычный путь лежал через дворы, которые хотелось миновать быстрее. Поблекшие дома, турники с облупившейся краской, замаранные машины эконом-класса, разбитый асфальт – все это настраивало на самое заурядное существование без малейшего сопротивления среде. Живи Роман здесь с детства, рано или поздно он обленился бы настолько, что не стеснялся бы зевать в открытую. Местные вряд ли задумывались, насколько необыкновенны названия их улиц – Пугачевская, Хороводная, Сквозная.

– Добро пожаловать на Калугу, Палыч, – сказал Максим Максимыч. – Слышал о Калуге?

– Сразу ясно, что вы не географию преподаете, – сказал Роман как можно добродушнее. – Калуга маленечко в другой стороне.

– Район такой. Издревле так повелось называть, до всяких там бандитских жаргонизмов в девяностые. В словаре Даля дается толкование слову: Калуга – это топь, болото.

– Вы намекаете, что я угодил в трясины? – Роман прищурился.

– Да не в образном значении «болото», а в самом прямом. Район располагается в низине, раньше ее затапливало весной. Обитали тут бедняки, зато с характером. Переселиться они не могли, вот и притерлись к суровой жизни. Представь, снег тает – вода по колено. И такая картина каждый год. Теперь, конечно, иначе – не так экстремально. А дух калужский сохранился. И название тоже.

– Только перебрались калужане в хмурые высоты.

– Не все, – возразил англичанин. – Если ты на выходе из школы не свернешь, как мы сейчас свернули, а пройдешь на северо-восток буквально метров сто, то угодишь на развилку улиц Центральная и Кривая. На них до сих пор уцелели старые деревянные дома. Хватает и частных кирпичных новостроев – с вычурными заборами, с сигнализацией, с породистыми сторожевыми собаками. Но этим породистым никогда не перелаять тамошних бродячих псов. Будут лишь потягивать из конурок своих.

Роман и Максим Максимыч миновали Хлебзавод № 3 и шагали вдоль желтого каменного забора. Справа тянулся овраг с железной дорогой. Асфальт выровнялся.

– Тебе, наверное, говорили: найди с учениками общий язык, стань для них авторитетом, завоей их доверие, – сказал англичанин. – На первый взгляд эти затасканные девизы ничемны. И все же зерно истины в них есть. Особенно если учитывать, что мы на Калуге. Для того чтобы не ударить в грязь лицом, тебе надо стать для калужских своим.

– У вас получилось стать своим, Максим Максимыч?

Роман мысленно укорил себя за глупость, еще не закончив вопроса.

– Если бы не получилось, то не задержался бы тут на двенадцать лет.

– Планируете работать тут до пенсии?

Вторая скудоумная фраза подряд.

– Силы у меня не те, что прежде, но за десять лет я ручаюсь.

Максим Максимыч снова закурил. Выдохнув дым, он сказал:

– По логике вещей ты должен спросить, как сделаться своим для детей. А я на правах мудрого наставника обязан надавать тебе толковых советов. Остерегайся того-то, поступай так-то, верь в себя, дерзай. И прочее. Заявляю сразу: ни от меня, ни от Макаренко какого-нибудь ты свода заповедей не дождешься. Так, пара общих правил. Не навязывай ученикам ни дружбы, ни покровительства. Не дави своей властью. Не впадай в педанство и не распахивай душу. Не качай права и не кивай на устав – они не по закону живут. Балансируй: будь чуть саркастичным, чуть продвинутым, чуть благородным. И главное – дай понять, что ты знаешь их язык, но не собираешься до него опускаться.

Тлеющий окурок полетел на тротуар.

– Спасибо, – сказал Роман. – По-любому шишек набью, прежде чем пойму.

– Ну набивай.

Они пересекли мост через железную дорогу. Автомобильное движение оживилось. Рыжий пес с покоцанным ухом норовил перебежать на другую сторону и раз за разом бросался обратно с поджатым хвостом, убоившись несущихся машин и резких сигналов на свой счет.

Трактир «Старый амбар», куда Максим Максимыч привел Романа, производил сносное впечатление. В просторном помещении преобладало дерево. К деревянным столам прилагалось по четыре стула, у отделанной лакированными досками барной стойки выстроились в ряд еще пять стульев, пока пустовавших. Под потолком вдоль стен тянулись деревянные полки со сказочным хламом – закопченными подсвечниками, старинными часами, масляными лампами, допотопными радиоприемниками, пузатыми кувшинами и бутылками. На белом потолке задерживали взгляд намалеванные с подчеркнутой небрежностью, как сажей, лозунги наподобие «Губит людей не пиво, губит людей вода!». На плазменных экранах беззвучно транслировали Бундеслигу. Играла пресная музыка из горячей радиоротации.

Пухлощекая официантка с собранными в пучок каштановыми волосами принесла меню, не успели Максим Максимыч и Роман разместиться.

– Пиццу не бери, – предупредил Максим Максимыч. – Тонкая, жесткая, кусок отрезать невозможно. Будто резину клеем намазали.

Роман, до того и не помышлявший о пицце, затосковал по «Маргарите», щедро политой оливковым маслом из зеленой бутылки. Кусочки помидоров, запеченные в сыре, тающем во рту. Вместо оливкового масла можно перцем посыпать или тимьяном. Сразу целую пиццу, нарезанную ровно-ровно на большом блюде.

Максим Максимыч заказал «Цезарь» с креветками, сырный крем-суп и два бокала нефильтрованного пива. Роман, поколебавшись, остановился на драниках «по-новому» и светлом пиве. От нефильтрованного у него стабильно болела голова.

– По слухам, здесь один нефтяник обедал и оставил чаевых на сто тысяч, – сказал англичанин. – Нескромно, верно? Официанточка на радостях всем газетам рассказала. Впрочем, это случилось еще до того, как доллар взбесился. Сейчас все прижимистее, нефтяники тоже.

Роман вежливо кивнул. Англичанин расценил жест по-своему.

– Наверное, для москвичей сто тысяч – так себе сумма. Кредит выплатить, коммуналка, продукты, проезд – и все. Поверь, и для меня не запредельная цифра. Школа плюс репетиторство – за три месяца столько же выходит. Я о том, что история с официанткой убеждает, что верить в шару небезосновательно. Это как сказка про Емелю или про Золушку, только с декорациями из рыночной экономики. Чушь, а все равно трогает.

На Максима Максимыча напала словоохотливость, словно язык ему развязала сама мысль о пиве. Вместе с тем он не лез в душу московскому гостю, не выпытывал, с чего тот сорвался из столицы. Собеседник будто не интересовал англичанина.

– Ты где живешь? – спросил он.

– На Красной Позииции, – сказал Роман.

– Совсем рядом со школой. Я-то на Даурской, это другой район. На той неделе выхожу я из подъезда – в шортах, в футболке, в сандалиях. В руке бутылка пустая, как граната. «Граф Ледофф». Утром прикончил. Мимо подъезда катит коляску Азимова из седьмого класса. Проморгался. Никогда ее в своих краях не видел. Важная, как молодая мамаша. Волосы хвостиком. Максим Максимыч, разве вы тут живете? А тебя каким ветром занесло в наши палестины? Я у тети в гостях, братишку двоюродного выгуливаю. Как у вас дела? И на бутылку косится.

Лицо Романа расплылось в улыбке.

– Самое абсурдное в том, что я к другу торопился. Он как раз из Абхазии вернулся. Само собой, с гостинцами. Ковыляю я после обеда домой. Восхитительный, как граф Ледофф. Основательно нагрузился. В левой руке – мандарины в пакете, в правой – чача холодная, из холодильника. А навстречу Азимова с тетушкой. Веснушчатая, как Джери Холлиуэлл, и кожа темная, точно тетку все лето в солярии насильно держали. Здрасте. Здрасте. И на бутылку косятся. Стервы.

Как раз подоспело пиво, и Максим Максимыч произнес тост:

– Чтобы год пролетел без педагогических эксцессов.

Одним глотком Максим Максимыч уничтожил треть кружки. Роман счел пиво разливухой, как в типичном сетевом бирмаркете. Под футбол годится или под шашлыки.

– Что вы больше любите из выпивки? – спросил Роман.

– Не буду притворяться – водку. С сибирскими пельменями. Коньяк армянский. С шоколадом.

– И текилу с лимоном?

– Пиво с раками еще вспомни до кучи. Признайся, что не пробовал водку с сибирскими пельменями?

– Ни с какими не пробовал.

– И зря. Привык, наверное, в нерезиновой коктейли через соломинку дуть, – пробурчал Максим Максимыч.

Прозвучало грубо. Собеседник Романа по-ребячески насупился и, не ставя кружку на стол, втянул из нее мутно-коричневую жижу.

– А как насчет виски? – Роман постарался не заметить, как раздражен Максим Максимыч.

– Запутанно, – неохотно откликнулся тот. – «Беллс» заказывал.

– И все?

– «Джонни Уокера», красного и черного. Разница в цене существенней, чем во вкусе. Однажды рискнул и потребовал «Чивас Ригал». Тогда премию выдали квартальную. И не разобрался, нравится или нет. По стоимости должен нравиться, а на деле водка вернее, понятнее. И не потому, что я патриот законченный.

Максиму Максимычу доставили «Цезарь» с креветками. С сомнением посмотрев на листья зелени, англичанин погрузил вилку в блюдо.

– Иногда возникает желание попробовать ирландский виски, «Джемесон» тот же, да не решаюсь. Вдруг выкинет со мной трюк, как «Чивас» или черный «Джонни».

– Давайте я угощу вас ирландским? На Новый год?

– Принимается. Учти, память у меня долгая. «Бородино» наизусть знаю.

Так и подмывало сострить над комичным провинциалом. Роман не записывался в ряды знатоков виски, но ирландского на своем скудном веку капельку отведал. Питкий «Джемесон» покорял необъяснимым обнадеживающим эффектом. Сразу мнилось, что ты харизматичная фигура, подобно Расту Коулу или Марти Харту, и задачи перед тобой самые значительные. Мягкий «Бушмилз» с цветочно-грушевым ароматом, напротив, расслаблял и гарантированно понижал градус самокопания. Каков «Талмор Дью», Роман для себя не уяснил: он тогда отплясывал на концерте шведских панков и махом опрокинул двойную порцию. Был честный добрый «Килбегган» без лишних притязаний и был согревающий «Райтерз Тирз» с фирменной ложбинкой в форме слезы на дне бутылки. И разумеется, янтарного цвета «Бушмилз Блэк Баш» с привкусом жженой карамели, выдержанный в бочках для бурбона...

Англичанин между тем рассуждал о литературе:

– Мне классический Максим Максимыч, по-честному, не нравится. Не спорю, мужик он крепкий, твердый. Добросердечный при этом, что редкое сочетание. Гармония, какой говнистый Печорин никогда не достиг бы.

– Кроме того, Максим Максимыч не циник и не боится им стать, – сказал Роман.

– Кто такой циник? В твоем понимании? – Англичанин подался вперед, не донеся до рта кружку.

С ответом на этот вопрос Роман определился давно.

– Тот, кто делает вид, что верит в какие-то ценности и побуждает верить в них других людей. Печорин, к примеру. А доктор Вернер не циник, потому что не притворяется, будто верит в ценности. Он скептик.

– Ловко. Тогда школа – обитель цинизма. И цинизм прописан в трудовом договоре. В твоем, кстати, тоже.

– Чем вам все-таки досадил Максим Максимыч?

– Недалекий он. Туповатый, если напрямую. Я не о том, что университетов не кончал и в искусстве не разбирается, что не до метафизических прений ему. Это второстепенное.

– Тогда что?

– Чуткости не хватает ему. Эмпатии, говоря на нашем, педагогическом языке. Хотя в разведку с Максим Максимычем самое то ходить.

Принесли сырный крем-суп и драники «по-новому» с тонкой поджаристой корочкой, украшенные тремя стебельками петрушки. Англичанин прибавил к своему заказу два нефиль-

трованных по ноль-пять, для вящей убедительности шелкнув пальцами, и отправился на улицу курить.

Свежий воздух не согнал хмель с лица Максима Максимыча.

– Русский роман – это доведенное до совершенства искусство чесать языком, – сказал он, словно продолжая с места, на котором остановился. – Рефлексируют в нем по любому пустяковому поводу. То герои диспут заводят, а то и сам автор в думы ударяется. Заметь, если у Пушкина это лаконичные житейские наблюдения, то у Гоголя уже пространные рассуждения на так называемые отвлеченные темы. О душе, о роли писателя, о судьбах России. Куда без этого.

– О языке, – сказал Роман.

– Точно! Метко сказанное русское слово.

– Замашистое и бойкое.

– Которое кипит и животрепешет. Мне сразу представляется картина маслом «Достоевский в эпилептическом припадке». Животрепещущий Федор Михалыч. Меня смущает это национальное самоутверждение на пустом месте. Разве другие языки менее выразительные? На свой лад, конечно. Да что угодно можно возвеличить! Вот, например. Ничто так не горячо и страстно, как слово итальянца. Ничто так не емко, как слово индейца. Ни что так не мелодично, как слово китайца.

Ничто так не вкусно, как водка, мысленно продолжил Роман.

Мутный взгляд Максима Максимыча подолгу останавливался на предметах. Пиво он закусывал хлебом, отщипывая по крошке от тонкого куска на салфетке. Крем-суп стыл рядом. Роман тоже ел медленно. Мечта о пище не исчезала.

– Взять еще Бога, – сказать англичанин. – Вот где русскому писателю раздолье. На эту тему каждый считает своим долгом молвить слово. Не богоискатель, так богоборец. Не Достоевский, так Горький.

– Не Лев Толстой, так Леонид Андреев, – скромно добавил Роман.

– Смекаешь, о чем я, верно? – обрадовался Максим Максимыч. – Какое у нас самое популярное произведение в России? Правильно, «Мастер и Маргарита». А ты попробуй вычеркнуть из текста библейские главы и все рассуждения о Боге. В сухом остатке мы имеем средний юмор, коммунальные будни, мистику и хохмы над Союзом писателей СССР. И все. Круто, но на шедевр не тянет.

– Не тянет, – согласился Роман.

Он отдавал предпочтение «Белой гвардии» и «Театральному роману». А «Котлован» ценил и того выше.

– Мое мнение таково, – сказал Максим Максимыч. – Чтобы попасть на мировую сцену, русский писатель должен изречь что-нибудь эдакое о Боге.

Секунду Роман колебался, возражать или не стоит. И возразил:

– Как же Чехов? Не богоискатель и не богоборец. Доктор.

– Ты мне теорию не разрушай, да? – Максим Максимыч придавил Романа тяжелым и захмелевшим взором. – Не в Петушки едем. Ты русский преподаешь или математику? На всякое правило довольно исключений. У Чехова драмы новаторские, со звуком лопнувшей струны.

Дальше Максим Максимыч нес совершеннейшую чушь, рифмовал Емелю с земелей и прогнозировал взлет курса доллара до восьмидесяти. Вылазки с сигаретой на улицу чередовались с походами в сортир. Количество кружек пива Максим Максимыч довел до шести. Он, насколько мог судить Роман, принадлежал к числу тех, в ком алкоголь пробуждал философские наклонности. Такие готовы подогнать базу под самые сумасбродные догадки.

– Хороший писатель схватывает дух эпохи, а гениальный... Гениальный указывает место своего времени среди прочих времен. Отыскивает вечное в текущем. Как бы ты охарактеризовал нашу эпоху, Палыч? Двумя словами? Только двумя?

В обобщениях Максим Максимыч добрался до космического размаха. Оставалось лишь гадать, какие рамки он разумеет под «нашей эпохой».

– Боюсь, что никак. Я не писатель и...

– Нервное безвременье, – обронил Максим Максимыч. – Мы укоренены в нервном безвременье. У нас нет языка, в который можно упаковать иллюзорную реальность вокруг. Нет прибора, чтобы прозондировать зыбкую почву. Нас разложили на элементарные частицы и распределили по соционическим типам, а истина снова укрылась от нас. Если бы у меня поднялась рука на роман о Боге, я бы прямым текстом высказал: нас любили и вышвырнули. Любили и вышвырнули!

– В Новом Завете сказано, что угодить Богу без веры невозможно, – сказал Роман. – Не утверждаю, что так и есть. Однако это может служить ответом, если следовать вашей логике.

Пьяный Максим Максимыч в недоумении уставился на Романа. Что-то обиженно-ребяческое проскользнуло в глазах англичанина, нижняя губа едва подалась вперед.

– Счет, пожалуйста, – тихо сказал он ближайшей официантке.

В счете, доставленном через пару минут, значилось восемь кружек нефильтрованного вместо шести. Официантка с собранными в пучок каштановыми волосами, обслуживавшая Максима Максимыча и Романа, состроила глупое лицо, когда англичанин заявил, что платить не собирается.

– Вам калькулятор принести, что ли? – сказал он. – Может, мне еще стейк из семги приплюсуете?

– Успокойтесь, пожалуйста, – твердила официантка.

На подмогу к ней явилась администратор, низенькая девушка с крепкой грудью и широкими бедрами, представившаяся Камиллой. Ее фальшивая улыбка оповещала, что она намерена соблюдать приличия.

– Разное случается, – сказала она, взяв переговоры на себя. – Выпили, увлеклись, не заметили, как сбились со счета. Это нормально, никто вас не винит.

– Вы спятили, мои дорогие? По-вашему, я такой забывчивый?

– Не грубите, это некрасиво. Заплатите, пожалуйста.

– Мой друг прав... – пытался вмешаться Роман, его не слушали.

– Да не пил я столько!

– Заплатите по чеку.

Максим Максимыч не нашелся, как отреагировать на любезный до наглости тон. Поникший англичанин захопал себя по карманам рубашки цвета электрик, словно там хранилась записная книжка с расходами. Экспрессия и разговорчивость куда-то запропастились.

– Мой друг прав, – снова произнес Роман. – Я считал. Он заказал шесть кружек. Вы ошиблись.

– Это исключено. Мы заботимся о статусе нашего заведения и строго следим за обслуживанием.

– Разное случается, вы сами говорили.

– Вы прекрасно понимаете, что я имела в виду.

Невероятно, но Камилла умудрялась все так же улыбаться, будто законы маркетинга она осваивала параллельно с даосскими методиками.

– Покажите, пожалуйста, запись с камеры, которая подтверждает ваши слова, – попросил Роман учтиво. – Обещаю, мы с радостью все оплатим и принесем искренние извинения. В противном случае переправьте цифру «восемь» в чеке на «шесть».

Камилла кивнула и отлучилась за записью. Официантка погрузила посуду на поднос и тоже отчалила. Кислый Максим Максимыч безмолвно вертел в дрожащих пальцах незажженную сигарету. Вскоре администратор вернулась и с огорчением призналась, что в системе видеонаблюдения произошел сбой, требующий починки. Англичанин, огрызнувшись насчет

ста тысяч чаевых, с демонстративной брезгливостью отсчитал деньги. Он чуть не забыл на стуле старомодный дипломат.

– Будьте внимательнее в следующий раз, – сказала Камилла напоследок.

– Как дай вам Бог любимой быть другим.

На улице Роман протянул Максиму Максимычу двести рублей – за драники и светлое пиво.

– Я пригласил – я угощаю. Правила этикета, – сказал Максим Максимыч и властным жестом отмел все возражения. – Ты ведь на Товарищеской снимаешь квартиру?

– На Красной Позииции, – сказал Роман.

Во рту у него пересохло. Хотелось есть.

– И я в ту сторону. К брату поеду.

– Вам бы домой, Максим Максимыч...

– Отставить.

Они пересекли дорогу на светофор и добрались до остановки. Метавшийся туда-сюда пес с покоцанным ухом исчез. Максим Максимыч, как утомленный путник, расселся на железной скамейке и с наслаждением вытянул ноги.

– Красиво их уделал, обязательно брату расскажу, – произнес он. – Чтоб ты и с учениками так справлялся. Чую, ты не прост.

– Давайте я вам такси вызову, – предложил Роман.

– Еще чего. Мне всего остановок пять. Слушай, а справедливо, что русский мужик Мартынов завалил Лермонтова, верно? Это как если бы Максим Максимыч пристрелил Печорина, взбешенный его выходками. По всем канонам дуэльного кодекса. А вон и мой автобус.

– Я пойду, – сказал Роман полувопросительно.

– Ну иди.

Отпирая замок по технике «Влево-и-как-бы-вниз», Роман выругался про себя. Поговорили обо всем, кроме жизни. Вот тебе и рефлексия, вот тебе и провинциальные нравы.

Святая святых

Будучи школьником, Роман мог смутно вообразить, как объясняет у доски тему с мелом в руке и попутно подавляет мятежные очаги на задних рядах. Однако Роману и в голову не приходило, что его допустят в святая святых – на учительское совещание. Тогда мнилось, что на совещаниях доведенные до белого каления Марь Ивановны и Зинаиды Степановны пьют чай, плачутся друг дружке в плечо и в порыве злорадства разрабатывают изошренный план мести несносным ученикам.

Перед первым совещанием директор вызвал Романа к себе, чтобы сообщить о сокращении ставки: вместо семи часов в 5 «А» молодому специалисту доверили три часа литературы с 11 «А». В приемной стрекотали два завуча – Элина Фаритовна и Рузана Гаязовна, по воспитательной части и по национальному вопросу. Они словно равнялись друг на друга. Кряжистые, с глазами горчичного цвета, с пикирующими к носу бровями, завучи стриглись коротко, красились в медный и носили деловые костюмы: Элина Фаритовна – черный в полоску, Рузана Гаязовна – малиновый. Как завязтые кумушки, они обсуждали отпуск.

– Рузана, как Турция этим летом?

– Муж в мае так решил: раз в Египет запретили полеты, будем теперь в Анталии отдыхать. И купил билеты. Все на высшем уровне: шведский стол, отель, море, экскурсии.

– Зарядились там, наверное, по полной?

– Наелись и нагулялись на год вперед!

– А мы в Петербург ездили на неделю. Эрмитаж, театры, на катере по каналам прокатились, сама понимаешь. Нам понравилось, а сын заявил, что лучше бы в Турцию полетели.

Полюбопытствовать, за что отвечает завуч по национальному вопросу, Роман постеснялся.

Из приемной он повлачился в кабинет ОБЖ, отведенный для совещаний. Стены в нем занимали крупные памятки пожарной безопасности и первой медицинской помощи, а также огромный стенд с законом о военной службе. Над доской висели портреты молодежавого Путина образца первого срока и неизвестного политика с добрым деревенским лицом. В углу стоял отчужденный манекен ростом со старшеклассника в военной форме с сержантскими погонами. Натянутый на неживую голову противогаз болотного цвета вносил в облик манекена неземные черты.

Истина где-то там.

Педагоги рассаживались за парты. Ирина Ивановна и Артур Станиславович настраивали проектор. Роман, поздоровавшись, занял место рядом с классным руководителем 6 «А», той самой татаркой с заметным акцентом, которая на днях заглядывала познакомиться. Оставалось гадать, какие испытания уготованы новичкам и в какие таинства их посвятят.

– Роман Павлович!

Он не сразу сообразил, что обращаются к нему.

– Роман Павлович! Здравствуйте. Меня зовут Лилия Ринатовна. Я преподаю русский язык у одиннадцатого класса.

Высокая стройная дама в черном жакете и синей блузе любезно смотрела на Романа сверху. Смутившись, он поспешно поднялся и вместо приветствия брякнул:

– У 11 «А»?

– Больше одиннадцатых у нас нет, – безобидно сыронизировала Лилия Ринатовна. – Марат Тулпарович поделил между мной и вами русский и литературу в 11 «А», а им ЕГЭ сдавать.

– Верно, директор меня оповестил... – Роман почесал голову.

– Отлично! Загляните, пожалуйста, ко мне после совещания, у меня есть несколько идей по поводу программы. Мой кабинет номер четыреста десять.

– Конечно. Простите, я не поздоровался.

– Вот же, поздоровались! – Лилия Ринатовна улыбнулась. – Вы ведь пока не составили календарно-тематические планы?

– Составляю.

– Я вам помогу.

Учительница русского произносила обычные слова четко и красиво, как если бы она брала в свободное время уроки вокала или выполняла упражнения по риторике. По выверенному сочетанию цветов и деталей костюма, по тщательно нанесенному макияжу чувствовалось, что Лилия Ринатовна тщательно следит за собой.

Когда с папкой бумаг, поправляя на ходу очки, в кабинет ОБЖ вступил директор, Роман едва не вскочил по старой школьной привычке. Марат Тулпарович пристроился за кафедрой у доски. За рядовым приветствием последовало зачитывание муниципальных указов о начале нового года. Свинцовый слог документов был до того серьезен, что почудилось, будто без одобрения чиновников, к школе имеющих самое отдаленное отношение, учебу и впрямь могли отложить.

Я, Пердолин Стонал Стинолович, в связи с прихотью, каковую мотивировать никак не намерен, приказываю перенести 1 сентября 2015 года на 31 сентября 2015 года, несмотря на то что такая дата отсутствует в календаре.

– В нашей дружной команде пополнение, – приступил к представлению новичков директор.

Никаких таинств с инициацией не случилось. Марат Тулпарович называл имя и кратко знакомил коллектив с новичками. Каждый, кого называли, поднимался, получал свою порцию хлопков и садился.

– Роман Павлович, русский язык и литература. Окончил Московский университет имени Ломоносова с красным дипломом. Мы все надеемся, что Роман Павлович достойно применит свои богатые знания и зарекомендует себя как талантливый, грамотный, способный педагог.

Вслед за директором выступали завучи – Ирина Ивановна, Элина Фаритовна и Рузана Гаязовна. Фамильярность между ними испарилась, ее подменили отлитые в чугун фразы. На доске, куда падал свет проектора, замелькали графики, таблицы, диаграммы со школьными показателями 2014/15 учебного года. В статистику уложили все: от успеваемости до охвата бесплатным питанием.

Заключительные слова на совещании произнес Марат Тулпарович:

– Отпуск закончен, и мы вступаем в учебный год с новыми силами. Работу свою мы любим, на работу мы ходим с удовольствием, работа у нас полезная и нужная. Поэтому все у нас будет хорошо!

Вы же, братья, не унывайте, делая добро.

На выходе из кабинета ОБЖ Романа задержал за плечо Максим Максимыч. Деланая хмурость, размашистые движения – все это запропастилось. Англичанин точно вычитал между графиками и диаграммами секретное послание, ошеломившее его.

– У меня ученик был. Матвеев. Талантище, сразу видно. Но робкий. Раньше его и замечать никто не замечал. На олимпиаду его отправил я. Бац. Первое место по району. Снова бац. Четвертое по городу. Мне директор и говорит: он самородок, какая удача, что вы его отыскали. Что там искать, возражаю, это как слона в лупу рассматривать. Доверять надо, а дарования, дай бог, найдутся.

– И что с Матвеевым, – спросил Роман. – Умер?

– Лучше б сдох. В гимназию его увели. С углубленным изучением английского. Трансфер века. Самое обидное, что Матвеев мне и весточку не послал. Хотя бы эсэмэс прощальное. Спасибо, желаю, свидимся – гордость не задушит, верно? Вот какая у них короткая память.

Письмо № 2

От кого: Эгегейского Тезея Орфеича, город Кносс, улица Оборванных Нитей, дом 7, квартира 40, 740740

Кому: Мертвякову Селифану Богдановичу, город Киров, улица Незначительных Беженцев, дом 40, квартира 7, 407407.

Второе мое письмо к тебе за месяц. Готов поклясться на крови младенцев, предыдущее ты не читала.

А у нас сегодня праздник. С большой буквы – День знаний. Все причастные выстроились в круг во дворе школы. По правде говоря, по форме это больше напоминало прямоугольник, но символически означало именно круг. Солнце повисло в безоблачном небе. Физрук, старый дядька, хлопками прогнал собаку, объявившуюся аккурат к началу гимна и норотившую вмешаться в обряд. Директор, как и подобает суровым мужчинам, не лишенным сентиментальности, толкнул речь. Общие слова обрели звучание и смысл. Одиннадцатиклассник Митрохин усадил на плечи девочку-первоклашку с колокольчиком и прошагал вдоль офицерского состава и призывных отрядов. Как тебе такая милитаристская метафора?

Мне букетов ученики не преподнесли, но без цветов я не остался. Целых три пышных букета мне всунул в руки Максим Максимыч, еще по одному подарили историк Анастасия Олеговна и татарка – со словами: «От б «А»!» Теперь я на полных правах в учительском комьюнити. Одно печалит – имени татарки до сих пор не знаю. Уточнять неловко – знакомились ведь.

Что до страшилок о дедовщине, какими потчуют выпускников, рискнувших податься в школу, то в моем случае эти легенды имеют под собой столько же оснований, сколько клонирование мамонта или золото «Спартака» в премьер-лиге. Старожилы не задирают нос перед новичками, ни разу я не слышал в свой адрес обращения в духе «подай-принеси-ты-же-молодой». Напротив, старшие опекают неназойливо, чтобы не налетел со всего размаху на скалы.

Лилия Ринатовна, к примеру, помогла с программами, а они, надо признаться, кошмарные. Представь, нужно на год вперед расписать уроки по русскому в шестом классе. С ходу и не разберешь, что от тебя требуется: то ли навыки гениального стратега, то ли провидца. Я должен распределить, какая тема за какой следует, какое домашнее задание, когда диктант, когда изложение, когда сочинение. В придачу предсказать планируемый результат по каждой теме. И так сто сорок занятий, с сентября по май. Заметь, это лишь русский язык в шестом классе. Прибавь программу по литературе для б «А», программы по русскому и литературе в восьмых классах, по литературе в одиннадцатом. Полученный результат подели на варварски истребленные во время составления программ нервные клетки и энергию, затраченную на произнесение гневных слов, которые по этическим (и эстетическим тоже) соображениям здесь не привожу.

Если верить статистике, то погоду в школе делают заядлые троечники, некоторые из них с четвертными двойками. Как видно, к русскому-математике-физике и к дисциплинарным нормам детки не то чтобы восприимчивы. На это можно посмотреть и с другой стороны, диалектически, как выражались когда-то. Сопrotивляясь налагаемым рамкам, школьники тем самым сигнализируют о своем нежелании социализироваться, то есть подчиняться повсеместным установкам и следовать общепринятым правилам.

Моя цель на сегодня: придать стихийному движению против конформизма, прививаемого на всех ступенях образования, осознанные черты. Иначе невыполненные домашние задания или нелюбовь к школьной форме так и останутся мелкими частными возражениями, не посягающими на правила и установки. Слепое бунтарство быстро иссякает и оборачивается в итоге самым жутким приспособленчеством. Сердце разрывается при виде панков, которые к

тридцати годам обзаводятся семьей, скучной работой, пивным животиком, бредут на выборы по велению начальства и послушно празднуют День города.

Внимание, главное. Чего ради затевал это письмо.

Все, против чего восстаю я, сосредоточено в христианстве, в авраамических религиях вообще. Жесткая иерархия, зиждущаяся на безотчетном послушании и повиновении, мнимое равенство, основанное на навязчивой тяге сводить все к единому знаменателю – Богу, узаконенная несвобода, неоспоримые авторитеты, патриархальные нравы, запугивание грядущей расплатой, вмешательство во все сферы жизни, расправа с инакомыслием, оправдание любых деяний руководящего состава, высокий стиль – все это роднит христианство с тоталитарными системами. По-научному это зовется гетерогенностью. Она проникла на все уровни.

На мой взгляд, излишне проводить строгую границу между первоначальными стремлениями христианства и практикой его распространения, между учением Иисуса и испанской инквизицией. То, дескать, религия, а это вера. Признаки, роднящие христианство и тоталитаризм, в полной мере утверждаются уже в Новом Завете. Традиция альтернативной культуры XX века изображать Христа то патлатым хиппарем, то отвязным анархистом, ратуящим за любовь, дружбу и справедливость, кажется мне далекой от истины. В Евангелии от Луки Иисус прямым текстом сообщает, что пришел дать земле не мир, а разделение, настроив отца против сына, мать против дочери (глава 12, стихи 51–53). Там же есть эпизод, где Иисус запрещает новому адепту захоронить умершего отца и проститься с семьей, веля вместо этого благовествовать Царство Божие (глава 9, стихи 59–62). Мало соотносится с растиражированным божественным образом, верно?

Стоит отбросить идеологические пристрастия и вчитаться в новозаветные тексты, как библейский Иисус предстает вздорным малым, почти самодуром, как бы кощунственно это ни звучало. Посуди сама, он навсегда делает бесплодной смоковницу только из-за того, что она не накормила его. Между тем в Евангелии от Марка говорится, что «еще не время было собирания смокв» (глава 11, стих 13). Не по сезону обратился, Боже. Какие претензии к дереву, существующему по природным циклам?

Другой фрагмент, не менее известный, связан с заточением бесов в свиней, сбросившихся затем с обрыва. При всем своем безмерном могуществе Сын Божий мог избавиться от нечистой силы иными путями, не прибегая к уничтожению целого стада невинных животных. А он предпочел горделивость, игру мускулами на публику. Может быть, эпизод со свиньями отчасти объясняет увлеченность западной культуры, в формировании которой важную роль сыграло христианство, всяческими шоу? Не буду торопиться с ответом, чтобы не умалять значение древнегреческой драмы, сатурналий, гладиаторских боев и прочих зрелищных достояний античности, где внешний эффект ценен сам по себе.

Пожалуйста, не считай меня богоборцем. Для меня не принципиально, есть ли Бог. Очевидны две вещи.

Во-первых, доказать или опровергнуть существование Бога нельзя. Во-вторых, атеизм столь же пристрастен, как и вера. Сегодня модно как носить нательный крестик, так и неразборчиво ссылаться на Дарвина и Докинза, ознакомившись с их воззрениями по цитатам в социальных сетях.

И то и другое равно свидетельствует о слабом воображении и неразвитом критическом мышлении.

Напористая ожесточенность, с которой насаждается христианское учение, и безапелляционная интонация новозаветных текстов отталкивают меня. Как и Старший Брат, религия внушает страх и требует всецелого поклонения, и я не собираюсь воспитывать в детях раболепие ни перед кем. Буду наставником, но не пастырем.

Как ни странно, больше всего в Библии меня потрясла сцена из Откровения, малозначимая на фоне других. Прочитую:

«После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, из народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих.

И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!» (Глава 7, стихи 9 и 10.)

Только допусти, покорность в чистой форме, без малейшей примеси сомнения или дискомфорта. Еще страшнее, что в этой сцене стерты различия между языками и культурами, отсечено все неповторимое и уникальное. И все ради того, чтобы верноподданные в униформе, точно под дурманом, раз за разом ублаговворяли слух Всевышнего повторяющимися восклицаниями.

Механически отлаженный процесс.

Все равно что елей из-под крана в неограниченных количествах, без перерасчета на кубометры.

Однородность и замкнутость, подчеркну снова, суть признаки тоталитарных систем. В противовес им я выставляю разнообразие. Я за мирное сосуществование разных традиций и за открытость новаторским идеям, а не за довлеющее положение какой-либо доктрины, какие бы блага она ни сулила, какую бы неземную любовь ни обещала.

По-моему, здесь неуместны софизмы из серии: «Раз ты такой умный, тогда и педофилам слово дадим!», «Привычки каннибалов тоже уважать будем?». Под мирным сосуществованием я не подразумеваю свободу использовать других в собственных целях, будь то свобода чувственных наслаждений или пищевых пристрастий. Возможность диалога необязательно включает необходимость диалога с насильником, верно? Говоря языком Герберта Маркузе, долой репрессивную толерантность, ведь и она есть часть репрессивного механизма.

Пожалуй, стоит закругляться. А то письмо перерастет в трактат. Мне завтра вставать рано. Не сильно ошибусь, если предположу, что первый день весьма важен.

Прежде чем любезно откланяться, погадаю на «Радуге тяготения». Итак, как меня встретят дети с Калуги? Страница номер 360, двенадцатая строка сверху: «...ревом цапают Ленигропа. Вволю покрутившись и потолкавшись, он высвобождает ногу из петли». Короче, огонь, вода и медные петли с хоршим по-сказочному финалом.

Доброй ночи.

Ты узел на моей шее.

«А вы добрый?»

Роман поклялся, что запирается изнутри он больше не станет.

В семь утра он, закрывшись в кабинете, торжественно вывел на доске число и тему и обложился методичками. В половине восьмого за дверью прорезались детские голоса. Шум нарастал, и вскоре молодой специалист решил впустить шестиклассников. Тут и выяснилось, что ключ в замке не поворачивается. Голоса притихли.

– Он там открыть, что ли, не может? – предположил кто-то смелый.

Упрямый ключ и вовсе застрял. Против всех правил Роман с первых мгновений доказывал свою несостоятельность.

Положение выправила Рузана Гаязовна, завуч по национальному вопросу. Властно постучав, она осведомилась, все ли в порядке. Роман с трудом выдернул злополучный ключ и, бормоча извинения, просунул его под дверью. То были смятенные пять минут.

Поурочный план рекомендовал вступить в учебный год с отвлеченной беседы. Здравствуйте, дети. Шестой класс – это важный этап в жизни каждого ученика. Еще шестой класс можно назвать экватором. Кто знает, что такое экватор? Все желали понравиться и наперебой тянули руку. Особенно упорствовал горластый хитроглазый брюнет, предпочевший сидеть один. Не без гордости он сообщил, что его имя Ашер Эткинд. Именно его советовала остерегаться Ирина Ивановна.

Компактный одиннадцатый класс насчитывал всего десять учеников, каждый в милицейской форме болотного цвета. Единственные парни в составе, Митрохин и Аюпов, будто условившись держаться вместе, разместились за одной партой. Пусть и не так бойко, как шестиклашки, 11 «А» выразил готовность сотрудничать. Роман сразу дал понять, что легко не будет, загрузив старшеклассников лекцией по русскому модернизму, помянув и крах позитивистских установок, и Ницше с его шизофренией и богоборчеством, и экстравагантного Верлена, который, не рассчитав с абсентом, с топором бегал за женой по дому. Лица учеников выражали заинтересованное недоумение.

Пестрый 8 «Б», чей урок поставили сдвоенным, поначалу оглушил. Никто не дерзил и не зарывался – ученики элементарно не могли наговориться между собой. Даже во время словарного диктанта. Роман то и дело гасил очаги возгорания, увещевая нерадивых болтунов обратить внимание на доску. На второй урок часть класса явилась после звонка. Группа опоздавших, остановленная учителем, топталась на пороге с недоеденными пирожками.

– Вот кто у нас самый безответственный. – Роман сделал хмурый вид. – Фамилии?

Нарушители назвались.

– Мусатов, читал Бахтина? «Слово в романе», книга такая. Между прочим, на лето задавали. А ты, Идрисов, Бахтина читал?

Дозволив пришибленным восьмиклассникам сесть, Роман завязал разговор о летнем чтении уже со всеми. Обсуждение ожидаемо вышло кратким. Кто-то осилил «Капитанскую дочку», кто-то «Шинель», кто-то нашел дома на полке «Мартина Идена» и необязательную книгу одолел. Один мальчик, по всей видимости, еще не научившийся лгать взрослым и незнакомцам, якобы нашел в деревне интересную книгу, запамятавав при этом и ее название, и фамилию писателя.

Фуко с Бартом ни при чем, смерть автора отдельно, катастрофическая память отдельно.

– В литературных произведениях этого года мы не раз встретимся с историческими деятелями – Иваном Грозным, Петром Первым, Емельяном Пугачевым, – сказал Роман. – Надеюсь, об этих людях вы хотя бы слышали. Например, что вы знаете о Петре Первом? Чем он знаменит?

– Бороды заставил брить! – гаркнул со второй парты низкорослый веснушчатый мальчуган.

– Царь это, – последовал неуверенный ответ с задних рядов.

– Почти угадали. Император. В каком веке он правил?

– В двадцатом...

На перемене, предшествовавшей заключительному уроку, Роман понял, что с 8 «А» нужно держать ухо востро. Создалось ощущение, что сюда сослали всех отщепенцев, не уместившихся в 8 «Б», и для баланса разбавили агрессивную компанию несколькими приличными ребятами. К несчастью последних. Два малолетних бандита с наглыми лицами, один в розовой рубашке, другой в голубой, до вмешательства Романа перекидывались пеналом тощего паренька, который подпрыгивал чуть ли не до потолка, чтобы перехватить пенал в воздухе. Самого учителя, нарочито увлеченного ноутбуком, обступили школьницы в коротких юбках и с беззастенчивыми ухмылками.

– А вы добрый?

Крашенная блондинка с распущенными волосами не сводила с Романа бесстыжих глаз.

Любой прямой ответ равнялся поражению в микродуэли. Да, добрый. Нет, злой, детей ем на завтрак. Чудовищно неубедительно.

– Собрались обо мне в газету писать? – не сразу отреагировал Роман, мысленно давая себе клятву в ближайшие сорок пять минут быть ироничным, насколько это возможно.

Ученицы не нашлись, как продолжить разговор. Иногда лучше ляпнуть загадочную чушь.

После звонка на урок 8 «А» начал торговаться. Доверенным представителем выступила Хафизова, староста, полная девушка с командирскими нотками в голосе.

– Раньше у нас историк был. Мы не болтали, а он ставил четверки.

– Вы советуете мне следовать его примеру?

– Да! Ставьте нам хорошие отметки, мы тоже тихо сидеть будем.

Великодушные делающих первые шаги гангстеров умиляло. В обмен на никчемный товар – четвертные оценки – эти мастера сделок предлагали безусловную драгоценность – спокойствие учителя.

– А где сейчас этот историк? – поинтересовался Роман.

– Уволился! – объявил хулиган в голубой футболке. – У нас часто учителя увольняются.

По истории уже четыре сменилось.

– С пятого по седьмой класс?

– С пятого по седьмой. Мы такие! – улыбался парнишка, как перевыполнивший норму труда.

Учебник он вытащил, чистую тетрадь – нет.

– Гордость переполняет, а, рядовой?

– Чего?

– Уволившиеся учителя – типа достижение?

– Типа да.

– Тоже мне, достижение. Если б ты собрал рекордный урожай зерна, тогда да.

Впрочем, какой урожай. Роман был готов биться об заклад, что наглец не отличит пшеничный колос от ржаного.

От обсуждения прочитанных летом книг передовые люди 8 «А» манерно воротили нос. Глядя на них, ученики приличнее тоже избегали открытой беседы. Особняком держался одинокий толстяк, размером с приличный шкаф, в белой сорочке навывпуск. Богатырь меланхолично глядел в окно, отрешившись от происходящего. Поурочный план трещал по швам. Сознание Романа заполнял страх.

Он обязан проявить цепкость на первом занятии. Обязан защитить тех, кто готов учиться и не валять дурака. Иначе в дальнейшем отношения не построить, будь ты хоть первоклассный психолог...

– А сколько вам лет? – осведомилась юная особа с квадратным лицом, расположившаяся рядом с любопытной блондинкой.

– Пятьсот восемьдесят! – заорал Роман. – Открываем страницу номер три. По цепочке читаем по одному предложению! Спросить могу любого! Кто не следит – двойка в журнал!

И этих Ирина Ивановна отрекомендовала как «неугомонных товарищей». Еще чуть-чуть, и Роман выкинул бы парочку отборных негодяев в окно. Для остратки.

За секунды до конца урока выяснилось, что он не сообщил свое имя и не отметил присутствующих. Тогда стало известно, что в 8 «А» два новичка-иностранца – Ислам из Узбекистана и Нурлан из Киргизии. Судя по первому впечатлению, киргиз с русским языком не то чтобы ладил и отделялся невнятными короткими фразами под нос, склеивая слова.

Пришибленного Романа, мрачно потягивающего минеральную воду, обнаружила в кабинете классный руководитель 8 «А», Энже Ахатовна. Молодой специалист так устал, что не нашел в себе сил во всех готических красках обрисовать ее вампироподобных подопечных. Энже Ахатовна, сочувственно кивая, обещала завтра же утром разобраться.

Вернувшиеся из школьных лагерей, выдернутые из подъездов, оторванные от компьютеров, школьники источали энергию и не намеревались направлять ее на созидание. Суровые дети, которые по неведению разбивают в пух и прах идеалистические учебники по педагогике, предписывающие не травмировать нежную детскую психику. Не знаете истории – будет вам история. Будет вам травматический дискурс. Не хотите жить по анархии, по Бакунину – придется терпеть фашистскую диктатуру и просвещенный абсолютизм. Или непросвещенный. Как получится. А впоследствии, при положительных сдвигах, можно экспериментировать и с самоуправлением.

Дома Роман завалился на диван, последнее пристанище чуткого и ранимого человека, если он родился в России. Учитель мечтал сжаться до размеров халата, чтобы его засунули в стиральную машину и запустили колесо на всю мощь.

Агент под прикрытием

Менее чем за сутки 8 «А» чудодейственно преобразился.

Каждый из детей поздоровался и до звонка приготовил на парте учебник, тетрадь и ручку. Приблатненный Аксенов в розовой рубашке, давеча кидавшийся чужим пеналом, выразил желание сменить воду в ведре и помыть доску. Толстяк Гаранкин, посвятивший ознакомительный урок созерцанию заоконного пейзажа, предпочел трудиться наравне со всеми. Девочек словно перестали занимать обстоятельства биографии загадочного Романа Павловича. Класс встал на путь перековки.

Неповоротливый Роман долго и нудно записывал на доске огромное правило слитного и раздельного написания «не» со всеми частями речи, обратившись к 8 «А» беззащитной спиной. Ни единое слово, ни единый смешок не перебивали скрип мела. Роман слышал секундную стрелку над головой.

К доске пойти вызвалась Камилла Залилова, нарядная девочка с собранными в хвостик волосами. Ее лукавый взгляд наводил на подозрения, что тонкие белые гетры, скрывающие колени, Камилла надела не в последнюю очередь ради молодого учителя. Впрочем, со сложным заданием она справилась превосходно, лишь однажды допустив ошибку и написав «еще непроверенный путь». Когда Роман объявил о пятерке, Залилова неспешно, с достоинством вернулась на место за дневником и столь же неторопливо принесла его учителю, хлопая ресницами.

– В конце урока надо дневник давать, – сказал Роман, но оценку вывел.

На перемене Энже Ахатовна поинтересовалась, как вел себя ее класс. Восторженный Роман рассыпался в благодарностях, уверяя, что прежде не встречал таких метаморфоз. Приходилось внутренне признать долю истины в словах святого апостола Иуды, утверждавшего, что иных следует спасать страхом, исторгая из огня, потому что некоторые расценивают дружелюбие и милость как слабость.

Перед занятием с шестиклассниками Роман повстречался в коридоре с Маратом Тулпаровичем. Он осматривал свои владения, время от времени упирая руки в бока и останавливаясь возле какой-нибудь батареи или двери. Завидевшие директора издали школьники от мала до велика соскакивали с подоконников и на всякий случай убирали оттуда портфели.

– Роман Павлович, в середине урока прозвонит тройной звонок, вы не пугайтесь, – сообщил директор. – Мы организуем учебную пожарную тревогу. Вы должны построить детей и вывести через один из выходов.

– Будет выполнено, Марат Тулпарович, – заверил Роман. – Никто не пострадает.

Как назло, тема намечалась интересная и важная – обрядовый фольклор и его значение в культуре Древней Руси. Пришлось урезать материал на ходу, и Роман все равно не успевал из-за обилия вопросов от школьников, некстати вторгающихся в учительский рассказ.

– Вы нам про экзорцизм расскажете? – произнес веснушчатый Шавалиев, застегнутый на все пуговицы, несмотря на духоту в кабинете.

– Это почему? – удивился Роман.

– У нас же обряды. А экзорцизм тоже обряд.

– Если бы я был занудой, Шавалиев, я бы сказал, что экзорцизм – это не фольклор, поэтому изгнание демонов – это не по нашей теме. Однако я ценю твой интерес. Какие фильмы об экзорцизме смотрел?

– Ну, всякие, – замялся ученик. – Там еще к девушке монах приезжал в деревню и связывал. У нее вены на лице вздувались и платье порвалось.

Кто-то хихикнул.

– Тогда даю тебе исключительное задание. Посмотри какой-нибудь фильм про изгнание демонов и почитай статью в интернете об экзорцизме. Расскажешь всем, что нового узнал и какие отличия нашел между статьей и фильмом.

– Эй, нет! – выпалил Шавалиев.

Класс засмеялся.

– Считаю, задание за тобой, – сказал Роман. – После урока подойди ко мне, объясню подробнее.

Разговор про календарные обряды также сбивался с курса.

– Чего они какие тупые были, эти древние славяне? – воскликнул Эткинд. – Чучела сжигали, чтобы весна пришла, хороводы водили. Ясно же, что и так зима закончится и снег растает.

– А ты умный?

– А я умный. – Эткинд зубасто улыбнулся.

– Друзья, кто верит в примету о черной кошке, которая перебегает дорогу? – обратился к классу Роман.

Рискуя остаться в гордом одиночестве и прослыть мракобесом, он первым поднял руку. За учителем последовали другие: кто – уверенно и сразу, кто – колеблясь. Две трети класса, включая и Ашера, опасались черных кошек.

– Вот видите, – сказал Роман. – Почему в сожжение чучела мы не верим, а в черную кошку верим? Никто не вел статистику несчастных случаев, возникших по вине усатой живности. И почему непременно черная? Не серая? Не черепаховая?

– Это другое же, – возразила девочка, до того всегда молчавшая. Ее имени Роман не вспомнил. – Весна по-любому придет, а с черной кошкой еще неизвестно, повезет или нет.

Класс с шумом одобрил мудрые слова. Роман снова был вынужден искать доводы.

– Неужели вы думаете, что единственная цель обряда заключалась в том, чтобы всеми способами отделаться от зимы? – спросил Роман, тщательно продумывая фразу на ходу. – Неужели все эти ритуалы устраивались лишь ради того, чтобы сжечь чучело?

Стройный блондин со второго ряда, поразмыслив, ответил:

– Роман Павлович, может быть, обряд – это повод собраться вместе. Наши предки общались, пели, готовили еду.

– В точку! Как фамилия?

– Самодин.

– Пятерка, Самодин! Молодец!

Похваленный ученик, по-прежнему серьезный, едва заметно кивнул. Роман прошагал к учительскому столу, открыл в ноутбуке электронный журнал и с довольным видом поставил Самодину заслуженную оценку. Радость учителя подкреплялись тем, что шестиклассник лаконично сформулировал мысль, которая зарождалась у Романа и никак не облекалась в словесную плоть. Мысль, интуитивно казавшаяся верной.

– И не только поэтому неправильно считать наших предков тупыми, – сказал он, отвлекаясь от экрана. – И в современную эпоху у людей много странных убеждений, непонятно на чем основанных. Многие, например, верят, будто чем лучше товар разрекламирован, тем он качественнее. Или будто изобретение лекарства от рака сделает человечество счастливым. Или что технологический прогресс – это главный показатель развития...

Роман почувствовал, что его понесло не в ту степь и сейчас он напоминает брюзгливого старика, носящего плееры с наушниками и прочие новшества.

– Между прочим, заметьте, – сказал учитель после секундного замешательства, – если древние крестьяне объединялись и устраивали обряды по доброй воле, то с течением времени массовые мероприятия потеряли привлекательность и в них заставляли участвовать. Скажите честно, всем нравятся линейки, смотры строевой песни, спектакли для родителей и начальства и прочая дребедень?

Класс единодушно выразил протест против массовых мероприятий, лишь староста Софронова добавила:

– Хеллоуин ничего, там реально весело.

Диалог прервался, потому что прогремел звонок. Трижды подряд. Дети в недоумении переглянулись.

– Всем сохранять спокойствие, – сказал Роман. – В нашу школу прокрался злоумышленник и поджег ее.

Шестиклассники, смеясь, охотно строились в шеренгу по парам. Одинокий Эткинд рвался руководить колонной, за что был поставлен в конец. Пухлого румяного мальчика в полосатом костюме, намеревавшегося под шумок ускользнуть, Роман выловил за шкирку.

– Я в туалет, – пропищал толстяк.

– А пепел твой кто собирать будет? Я?

Краем глаза Роман заметил в дальнем конце коридора распахнутую дверь, до того всегда запертую. В проеме без суеты исчезали друг за другом ученики с сопровождавшими их преподавателями. Очевидно, второй лестничный проход открыли на время учений.

Учителя, осведомленные о пожарной тревоге, появлялись с классами из главного и запасных выходов и вели их на спортивную площадку, в точку сбора. Всякий педагог будто стремился явить образчик дисциплины и надежности. Хмурый Максим Максимыч на фоне гогочущих пятиклашек, змейкой следовавших за ним, смотрелся еще огромнее и апатичнее. Андрюха в солнцезащитных очках нес в каждой руке по красному огнетушителю. Марат Тулпарович в окружении завучей настраивал микрофон. Еще одна навязанная форма единения для отчетности.

– А вы служили в армии? – спросил Шавалиев.

– Спецназ, – буднично произнес Роман.

– Ого! – мальчики подобрались ближе.

– Вообще-то, мне не положено об этом рассказывать, – сказал Роман. – Я агент под прикрытием. В школе обнаружился американский диверсант, начальник разведки поручил мне его вычислить. Каждый день прилетаю сюда на вертолете из Москвы. Дело государственной важности.

– Мы знаем, кто диверсант, – сказал Эткинд и ткнул пальцем в тщедушного паренька, державшегося в сторонке. – Это Ильназ!

– Это не я! – обиженно вскрикнул Ильназ Хаирзянов.

С нездоровым желтым цветом лица и тоненьким голоском, с неровно подстриженными висками и спрятанными в карманах руками, он меньше всего казался неприступным.

– Точно, Ильназ! – воскликнули остальные. – Сдавайся, агент, тебя раскололи!

Намечавшуюся перебранку прервал треск микрофона и директорское «раз, раз». Все приготовились слушать речь об успешной эвакуации. Когда Марат Тулпарович закончил и позволил вернуться в кабинеты, Роман тронул за плечо Шавалиева и сказал:

– С тебя доклад об экзорцизме. Не забудь подойти ко мне после урока. Есть кое-какие мысли.

Боевое крещение

Роман изобрел многообещающий способ бороться с опозданиями. Явившийся после звонка ученик задерживался на пороге и ставился перед необходимостью прочитать стихотворение или спеть песню на выбор. Система имела свои упущения. Заторможенный Халитов, судя по виду – закоренелый троечник, признался, что ни песен, ни стихов не помнит, и без пререканий согласился на альтернативу – десять отжиманий от пола. Возник вопрос о девочках, которым отжиматься не предложишь. Тогда Роман для себя решил, что у тех из опоздавших, кто предпочтет скрыть вокально-декламаторские таланты, домашнее задание будет проверяться в первую очередь. И никаких исключений.

Не обошлось без конфликтов. Мурашов из 8 «Б», брюнет с рыбьими глазами, с тонкими, почти бесцветными губами, заявился на урок в момент, когда Роман записывал на доске правило, параллельно его комментируя. Уже отжавшийся Халитов, поспевая за остальными, чертил в тетради таблицу. Мурашов бросил на ходу безэмоциональное «здрассте» и направился за свою парту.

– Здравствуй, Егор. Вернись, пожалуйста, к двери.

Мурашов нехотя повиновался.

– Можно войти? – пробурчал он.

– У нас новое правило, – сказал Роман, по-прежнему сохраняя благожелательный тон. – С того, кто опаздывает хотя бы на минуту, стихотворение или песня. Любой куплет или припев.

Мурашов стоял с угрюмым выражением на лице, будто мучился несварением желудка.

– Я не знаю, – сказал он.

– Не беда. Тогда с тебя десять отжиманий.

– У нас не физкультура.

– У нас принято приходить вовремя.

– Не буду я ничего делать. Вы не имеете права меня заставлять.

По рядам зашептались. Взгляды Романа и Мурашова пересеклись. Ученик не боялся, смотрел с вызовом. Дело было не столько в смелости, сколько в наглости, которую до поры обуздывали предписания: возрастные, социальные, в меньшей степени этические. Роман, пожалуй, поостерегся бы встретиться с таким Мурашовым лет через десять в обстановке, какую называют неформальной.

– Игорь, ты отнял у всех нас время, – сказал Роман. – Я мог бы задержать класс на три минуты после звонка, но много людей не должны страдать из-за одного безответственного. Сдавай тетрадь и садись. Еще поговорим.

Домашняя работа в тетради отсутствовала. Неряшливая классная обрывалась предложением с незавершенным синтаксическим разбором.

– Где десятое упражнение?

– У нас гости были.

– Два. В журнал.

Мурашов начал возмущаться, но Роман в перепалку не вступил.

Под конец рабочего дня он успел забыть о конфликте. Тем неожиданнее оказался визит матери Мурашова. Как и сын, она не считала нужным стучаться. Широкими шагами она преодолела расстояние до учительского стола и коршуном нависла над Романом. Пепельная краска не шла кудрявым волосам незваной гостьи, от нее раздавался приятный и вместе с тем резкий запах духов.

– Не хотите извиниться? – вместо приветствия поинтересовалась она.

Роман растерялся лишь в первую секунду. Прежде чем заговорить, он заученно набрал полные легкие воздуха.

– Меня зовут Роман Павлович, и я не уверен, что вы обратились по адресу. Если я могу чем-то помочь...

– Сколько вам лет?

Бесцеремонность вошедшей не вывела Романа из себя. Во-первых, открытой враждебности противостоять проще, чем неприязни под маской дружелюбия. Во-вторых, бесноватые женщины предсказуемы и неопасны.

– Присядьте, пожалуйста. Я решительно ничего не понимаю.

Приглашение сестры гостя проигнорировала. Она критическим взором обвела все вокруг, на миг задержав глаза на портретах классиков.

– Как вы смеете унижать моего сына перед классом? Заставлять петь, отжиматься?

– Ваш сын – Егор? – догадался Роман.

И как он сразу не обнаружил сходства. Те же скользкие рыбы глаза, та же линия губ, та же манера едва разжимать рот при разговоре, словно выдавливая слова сквозь зубы.

– Какое право вы имеете мстить, ставя двойки? Разве такое поведение достойно учителя? У вас педагогическое образование вообще есть?

– Я никого не заставляю. – Роман старался сохранять спокойствие. – Я не думаю, что прочесть стихотворение перед классом – это унижительно. И двойку я поставил за отсутствие домашней работы, а не из мести. Повторюсь, ни о чем постыдном я не прошу. Быть может, вы полагаете, что это верх порядочности – врываться в кабинет, не предупреждая и не здороваясь, звать к совести и всячески грубить. Я иного мнения.

Пожалуй, многословно и слишком много оправданий.

– Мой сын звонит мне расстроенный, говорит, что вы на него накричали, обозвали! Егор мне никогда не врет! Как думаете, улучшится у него отношение к русскому языку?

Роман с трудом удержался от встречного вопроса, улучшится ли у русского языка отношение к Егору.

– Как я его обозвал?

– Это вы мне скажите.

– Пообщайтесь с классом. Дети подтвердят, что никто на вашего сына не кричал и никто не обзывал. А школьный устав существует для всех, и про опоздания там написано.

– Вы какой вуз закончили? Покажите диплом.

– Московский университет. Филологический факультет. Копия диплома лежит у директора. Если будут детальные возражения, всегда готов выслушать. А теперь прошу извинить, у нас совещание.

Роман закрыл ноутбук и поднялся из-за стола.

– Я вас научу уважать права детей, – остервенело произнесла Мурашова. – Я все разужаю о вас. По судам затаскаю.

– Составляйте петицию. Обращайтесь в Страсбург. Всего доброго.

Внутри все клокотало. С одной стороны, Романа переполнял восторг от победы в словесном поединке. Будто отстоял честь русского языка и литературы на глазах у классиков на портретах – сплошь дуэлянтов, картежников, заядлых спорщиков. С другой – настроение омрачала тревога, вызванная угрозой злощей мамы. Вдруг она и впрямь надумает навести справки?

В кабинете ОБЖ, где проводились совещания, ничего не изменилось, разве что манекена в противогазе повесили. Вместо сержантских лычек на его погонах красовались лейтенантские звездочки. Роман снова сел за парту с классным руководителем 6 «А», татаркой, имени которой не запомнил. Она справилась относительно своих подопечных и отдельно – насчет Эткинда, который за неполную неделю вывел из себя двух учителей, по физкультуре и по химии. Роман заверил, что все отлично.

Директор начал совещание с зачитывания нормативных актов. Всех повеселил запрет на пользование мобильниками во время уроков.

– Марат Тулпарович, как быть, если ученик раз за разом достает телефон, а двойка за поведение его не пугает? – спросила Лилия Ринатовна, учительница по русскому, помогавшая Роману с программами.

– Забирайте телефон. Вы имеете полное право отнять его и выдать только родителям.

– Силой отбирать? – поинтересовался Максим Максимыч. – Может, в полицию звонить?

– Не удастся забрать – вызывайте родителей. Доведите запрет до них. Пусть работают со своими детьми.

Судя по лицам Лилии Ринатовны и Максима Максимыча, ответ их не удовлетворил.

Затем директор объявил, что в следующую субботу РОНО организует для сотрудников школы поездку на остров-град Свияжск, и велел никому не пропускать мероприятие. В речи прозвучали окаменевшие словосочетания «дружный коллектив» и «культурное событие», ассоциировавшиеся с чем угодно, только не с культурой и дружбой.

Завершилось совещание неожиданно. Марат Тулпарович поздравил с шестидесятилетием Ольгу Степановну, учительницу по музыке, отдавшую школе тридцать пять лет. На проекторе замелькали кадры видеоряда из разных лет жизни Ольги Степановны, включая черно-белые фото ее свадьбы и первых месяцев работы. Несмотря на слезливую мелодию, наложенную на картинку, ролик получился достойным.

К последним кадрам в кабинете ОБЖ появилось вино, пластиковые стаканы, печенье и конфеты на столовых подносах. Директор и Максим Максимыч взялись открыть бутылки. Англичанин без усилий вытащил пробку и передал вино Роману:

– Разливай.

Сладкое, из Испании.

Вина хватило на два тоста. Закипел чайник, из ниоткуда возникли чайные пакетики, банка растворимого кофе и коробка с рафинадом. Максим Максимыч подошел к Роману и сказал:

– Я в тридцать пять лет уже жить замучился, а Ольга Степановна будто первый год преподает. На энтузиазме, радостная. Сколько я в этой школе, а ни разу она не накричала ни на кого, ни с кем не поругалась. Высшей пробы человек. Сейчас таких не делают... Ты чего невесел?

Роман рассказал о взбалмошной Мурашовой. Максим Максимыч закатил глаза, хлебнул чаю и изрек:

– Не подумай, что я за лагерь, за массовые расстрелы и все такое. Ненавижу, когда посягают на мою свободу, и поэтому не посягаю на чужую. Но тварей, которые чуть что качают права, требуют документы, грозят судом, тоже не выношу. Считаю, что с каждым надо пытаться по-хорошему все уладить, потому что с порядочным человеком можно любой конфликт словами разрешить. Ведь так? А эту юридическую терминологию про суды пора подключать, если только перед тобой законченный негодяй или совсем невменяемый тип.

– У нее юридическая терминология пополам с базарной руганью смешалась, – сказал Роман.

– С боевым крещением, – похлопал его по плечу англичанин. – Родительский наезд – неотъемлемая часть учительской профессии.

Любопытно, как Максим Максимыч расценил эпизод в трактире, когда Роман затребовал с зарвавшегося персонала запись с камеры. Тоже как качание прав?

Печально я гляжу

Однажды Роман стал очевидцем сцены в пабе «Джон Донн» на Таганке. Тогда в записи транслировали матч Австралии и Испании, вчистую проигранный до того боевитыми кенгурятниками. Стаут с жженым привкусом сушил рот сверх меры. Из угла зала Роман хорошо видел, как деловая дамочка в компании двух подружек, ссылаясь на закон и порядок, страстно отчитывала официанта и требовала уважения. В меню указывалось время доставки, а гарсон затынул с заказом на четыре с половиной минуты. Официант запутался в извинениях. Администратор, на грани срыва, чуть ли не божилась, списывая запоздание на недоразумение. Оскорбленной посетительнице пообещали значительную скидку, и она сменила гнев на милость. Вскоре деловая дамочка за бокалом мартини упивалась триумфом, потчужа подружек байками о порочном русском сервисе, не то что у них – за границей. Не ценящего мелочей гарсона, наверное, оштрафовали.

Если это правовое государство, то Роман предпочел бы укромный уголок в феодальном княжестве.

Ожившая в памяти история с «Джоном Донном» навела на мысль о бокале пива. Может, и не одним. Венец первой трудовой недели – чем не повод протестировать сервис местных баров. Опыт не должен ограничиваться «Белфастом» и «Старым амбаром». Город слишком велик и стар, чтобы завязывать с ним шапочное знакомство. Это, в конце концов, неуважительно.

План с рейдом по питейным заведениям провалился по двум причинам. На перемене к молодому специалисту подошла Энже Ахатовна, классный руководитель 8 «А», с документами и сказала:

– Роман Павлович, подпишите, пожалуйста, бумаги по вступлению в профсоюз. Все учителя вступают.

Членство стоило двухсот рублей каждый месяц – одного процента от зарплаты. И взамен ничего. Ни защиты прав рабочих, ни требований увеличить жалованье, как положено в профсоюзе.

Затем возникла проблема насущнее подмоченной репутации профсоюзов. От неустанного говорения разболелось горло. Слова давались тяжело. Роман раз за разом сухими от мела пальцами трогал шею на месте голосовых связок. Чудилось, что они набухли и вот-вот начнут лопаться от нагрузок. Два последних урока в субботу ученики не переставая болтали между собой, пользуясь тем, что на них некому прикрикнуть. Лишь единицы, способные на сострадание, вели себя сдержанно. Неудавшийся детальный разбор предания «О покорении Сибири Ермаком» прервался хрипом Романа, грозившегося сослать всех словообильных в Иркутск и Томск.

От избытка сердца говорят уста его.

Лилия Ринатовна, выслушав на перемене жалобу, сочувственно призналась, что ей тоже досаждают горло.

– Ларингит – это болезнь учителей, увы. Я пью отвар из ромашки и покупаю пастилки шалфея в аптеке. Немного помогает.

– Попробую, – заверил Роман.

– Вы, наверное, много рассказываете, – предположила учительница. – Пусть говорят дети. Задавайте чаще вопросы. Особенно на литературе. Научитесь управлять дискуссией, а не говорите за всех.

По завершении занятий Роман столкнулся с директором на первом этаже. Марат Тулпарович возвращался из крыла начальной школы. Кратко справившись о делах, он добродушно порекомендовал избегать крайних мер в борьбе с опозданиями, а именно исключить стихи и песни.

Мурашова все-таки донесла.

– Ставьте в дневник двойку за поведение, – сказал директор. – Если опоздания войдут в привычку, пишите докладную на мое имя. Разберемся.

Первому нововведению хода не дали. Битва была проиграна.

Обозленный Роман вместо задуманного рейда по барам запасся в аптеке шалфеем и ромашкой, заварил ее и устроился в комнате перед экраном ноутбука. Прозрачный чайник и сахарница, полная рафинада, расположились на учебнике русского языка за 8-й класс. Андрей, хозяин квартиры, предусмотрительно закупил для постояльцев полный набор посуды из «ИКЕА», и Роман нимало не скучал по огромному домашнему бокалу с тигром и по ложкам из советского сервиза.

Настала пора ближе познакомиться с учениками.

То есть прошерстить их страницы в Сети.

Для присутствия «ВКонтакте» Роман, удаливший свой аккаунт перед отъездом из Москвы, создал поддельный аккаунт на имя Дьюлы Грошича. Не то чтобы Роман фанател по знаменитому венгерскому вратарю или сокрушался по поводу неудачи мадьяр в финале ЧМ-1954 с немцами. Дьюла Грошич – прежде всего это красиво звучит. Хлестко, мощно, фонетически богато. Ничуть не менее эффектно, чем Ференц Пушкаш. Или Ричард Чемберлен. Или Лев Толстой.

Раз пошла футбольная тема, «ВКонтакте» первым Роман принялся искать заторможенного восьмиклассника с лошадиной фамилией, путающего глагол с наречием. На первых занятиях Гриша Слуцкий выглядел зашпанным, на последних – утомленным. На аватаре у ученика разместился покрытый шкурами суровый усатый викинг с рогатым шлемом. Целые альбомы со скриншотами свидетельствовали об увлеченности боевой фантастикой. Флегматичный товарищ не чуждался эпоса.

Через список друзей Слуцкого «Дьюла Грошич» попал на страницы его одноклассников по 8 «Б». Выяснилось, что некоторые из них посещают секцию гребли в местной спортшколе. Мусатов, Идрисов, Шишкин и Халитов регулярно выкладывали фотографии с тренировок на воде и занятий в спортзале, довольно поигрывали в кадре крепнущими мускулами. В подростковом желании вызвать восхищение пусть крохотными, зато не надуманными достижениями Роман ничего предосудительного не находил. Наоборот, гребцы импонировали ему своей открытостью и простотой, они не бросали вызов учителям и не самоутверждались за счет слабых. Стена у Мусатова и его друзей пестрела схемами с упражнениями по становой тяге и таблицами с содержанием белка. Также спортсмены любили грубые шутки и делали перепосты с брутального паблика, где достойные и незатейливые, в общем-то, цитаты о том, как важно верить в мечту, беречь любимых, не кидаться словами и следовать элементарной порядочности, перемежались фотографиями с пышными формами и задницами в обтянутых джинсах. Привычные мужицкие ценности в концентрированном виде, нравится или нет.

Гоповская гвардия из 8 «А» предпочитала другие локации для фотосессий: дворы, подъезды, гаражи. Если бы Роман взялся за сценарий фильма о малолетней хулиганской братии, комедийного или драматического, он бы избрал те же самые фоны. В спортивных обносках, в натянутых поверх кепок капюшонах, с гордо выставленными вперед средними пальцами, дерзким прищуром – шпана с ее грязными ужимками будто пародировала саму себя. Нелепо, что эти самые комичные никчемушники отравляли существование десяткам детей, приучая их жить в страхе, тревоге и в ожидании подлости. Из таких никчемушников вырастали упыри, полагающие своим долгом ткнуть человека носом в его слабости и недостатки. По Москве Роман был знаком с типами, которые утверждали: «Лучше я научу тебя сегодня, чем жизнь научит завтра». Под «учительством» имелись в виду различные унижения; за громким девизом стояла потребность давить тех, кто не способен дать отпор. Для некоторых эта потребность превратилась в образ жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.